Кн. 66
Калинкин
Р. 46

17r

ОИК
17г

АГ 8 304

ссийская Социалистическая Федеративная
Советская Республика

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

АИ 66
Калинин
Р46

РЕЧИ и БЕСЕДЫ

М. И. КАЛИНИНА,

седателя Всероссийского Центральн.
Исполнительного Комитета.

Часть I.

1967

Иркутск 1920.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. Нельзя ли прекратить войну? Речь в г. Михайлове, Рязанской губ. 3
2. Как учат белотварейцы. Речь в Балашеве . 9
3. Нельзя стоять в стороне. Речь в Тамбове. . 17
4. Задача Красной Армии. Речь в Смоленске в казарме 22
5. Коммунисты на фронте. Речь на ст. Алатырь к эшелону, едущему на фронт. 24
6. Красные командиры и старые офицеры. Речь в Могилеве к 1-му выпуску Могилевских командных курсов. 27
7. Политика внешняя и внутренняя. Речь на объединенном заседании в Тамбове. . . . 32
8. Всем народам одинаковые права. Речь в Голом Карамыше, области немцев Поволжья. . 39
9. Беседа с крестьянами Кошинской вол. Смоленского уезда. 42
10. Беседа с крестьянами Исской вол. Рузаевского уезда, Пензенской губернии. 49
11. Беседа с крестьянами Воскресенской вол. Казанского у. 59
12. Чем держится Советская власть? Речь в Гжатске Смоленской губ. 66

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
691730

196

По вступлении на должность Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета товарищ Михаил Иванович Калинин предпринял поездки к фронтам: восточному, западному и южному.

Целью этих поездок было сблизить центральную советскую власть с местным населением и с органами власти на местах.

В этих видах устраивались, с участием тов. Калинина и особых инструкторов от всех Народных Комиссаров, объединенные заседания ответственных работников,—советских, профессиональных, партийных и от фабрично-заводских комитетов. Сверх того, инструкторы имели совещания,—каждый с работниками своего ведомства.

Далее в городах, селах, на крупных железнодорожных станциях, на отдельных заводах, в казармах и в волостях устраивались митинги или собеседования с участием тов. Калинина.

Всех поездок было три. Каждая продолжалась около трех недель.

Первая поездка была в мае, в момент наступления Колчака. Тов. Калинин посетил Симбирск, Казань, а также многие более мелкие пункты и волости губерний Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской, отчасти—Тамбовской и Нижегородской и Рязань.

Вторая поездка состоялась в июне. Она охватила район западных губерний: Минской, Гомельской, Витебской, Смоленской, Калужской и отчасти Орловской.

В третью поездку (в июле) обслужены местности по линии Москва—Козлов—Саратов и в сторону от нее: вверх по Волге—Балаково, Баронск, Вольск, Хвалынск; к югу от линии—район Балашова, а также Сердобск, Баланда и многие другие пункты.

Все поездки произведены на литературно-инструкторском поезде «Октябрьской революции».

Стенографические записи речей и бесед тов. Калинина в несколько сокращенном виде предлагаются читателю с той же целью, с которой совершались и самые поездки, то есть с целью сближения центральной советской власти с ее местными органами и с массой населения, разбросанной по бесчисленным городам и селам страны.

Само собою разумеется, что речи и беседы тов. Калинина не были посвящены каждый раз какому-нибудь одному специальному вопросу. Говорилось об общем положении и об общем направлении советской политики. Отсюда—неизбежность повторений и трудность схватить тему речи кратким заголовком. Для экономии места желательно было бы избежать повторений при составлении сборника речей и бесед тов. Калинина. Это отчасти и было сделано путем сокращения стенографических записей. Но вполне избежать повторений было невозможно: это сплошь и рядом значило бы обескровить речь или беседу и вместо связного изложения дать обрывки мыслей.

М. Ольминский.

1. НЕЛЬЗЯ ЛИ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ?

Речь на митинге в г. Михайлове, Рязанской губ. 14-го июля 1919 г.

Товарищи рабочие, красноармейцы и граждане гор. Михайлова! Население устало от шестилетней, непрерывной борьбы: четыре года мы проливали кровь за интересы капитала и два года боремся с помещиками и капиталистами и вообще с врагами рабоче-крестьянского люда.

В настоящий момент у нас остается только один из сильных врагов, это—Деникин, старый царский генерал, который при помощи английских и французских капиталистов собрал старые казачьи годы, собрал с Кавказа горцев и эти отряды направляет на рабоче-крестьянские массы Великороссии.

Многим задается вопрос: нельзя ли как-нибудь обойти эту борьбу? Нельзя ли как-нибудь покончить? Правительство рабоче-крестьянской республики уже несколько раз заявляло перед всем миром, что оно не имеет желания ни захватывать чужие земли, ни эксплоатировать чужой труд.

Но наши враги хотят снова подчинить нас, снова эксплоатировать нас, сосать пот и кровь из рабоче-крестьянского народа. Они хотят воротить проценты и долги, которые сделаны старым правительством за целые десятки и сотни лет. Советское правительство открыто заявило, что оно дорожит кровью каждого солдата, что оно согласно было бы заплатить те долги, которые правительство признает возможным, лишь бы буржуазные правительства оставили нас в покое.

Но капиталисты, черносотенные банды России и Запада отлично понимают, что нельзя оставить в покое одну народную республику во всем мире. Они пробовали послать против нас свои армии; они захватили Одессу, Николаев, Херсон. Но, как вы знаете, армия, сформи-

рованная украинскими крестьянами, прогнала французские войска. Она прогнала не своей военной тактикой, не превосходством оружия, но все дело было в том, что французские солдаты при каждом удобном случае протестовали против войны. Они заявляли:

— Почему мы будем воевать с Россией? В ней республика, как у нас. Очевидно, мы явились сюда простыми полицейскими. Очевидно, нас посылают в Россию только потому, что в России во главе республики стоят рабочие и крестьяне, а у нас стоят во главе буржуа.

И они говорили, что воевать не будут. И когда уезжало последнее французское судно из Одессы, то оно выкинуло красный флаг: да здравствует Российская Советская республика!

Вот какие причины заставляют французов и англичан не посылать к нам своих войск. Но, товарищи, если они не посылают своих войск, зато они всеми силами помогают русской контр-революции деньгами и оружием, стараются обострить отношения с Финляндией, Польшей. Сейчас мы имеем огромную победу над одним из самых своих больших врагов, над Колчаком. Победим и Деникина и других врагов, как ни тяжело положение внутри России.

Мы слышим очень много жалоб на советское управление и не закрываем глаз на эти жалобы. Смешно было бы думать, что рабочие и крестьяне, захвативши власть, не наделают в первое время целого ряда глупостей. И сейчас среди слушателей много, может быть, найдется умников, которые приведут десятки наших ошибок, неправильных решений и пр.; они укажут, что некоторые наши советские работники, наши чиновники и агенты власти стоят не выше, чем прежние царские чиновники.

Я с этим вполне согласен. Конечно, бывает, что и у нас люди, стоящие на советской службе, не только не защищают рабочих и крестьян, а злостно дискредитируют и порочат самую власть. Каждый день производится очистка советской власти, и все-таки встречается много колчаковских агентов, которые сидят среди нас и сознательно, злостно подрывают советскую власть. Для Колча-

ка и Деникина, конечно, очень выгодно, чтобы рабочие и крестьяне разочаровались в своей собственной власти.

Но помимо агентов Колчака, ведь рабочие и крестьяне не кончали университета, их никто не обучал. Они теперь стали у власти, а наши бывшие господа стали в сторонке и хихикают, что мы не можем расшаркиваться по паркету, что мы слишком плохо умеем исполнять целый ряд правительственных мер. Да, мы никогда не учились: ни отец Калинина, ни Калинин не думали быть во главе государства. Самое большое, что думал Калинин, так это быть старшиной. Но могли ли мы допустить управлять нашими делами старых чиновников, которые служили свергнутому нами Николаю, которые угнетали наш класс, а теперь, когда мы прижали их, кричат караул? (Аплодисменты).

А мы десятки лет кричали «караул», и нашего крика никто не слыхал. Мы десятки лет избивались в клоповниках, в которых сидят теперь буржуи. Может быть, правда, наши служители власти теперь перебарщивают; может быть, наши служители грубы; но разве они виноваты в том, что они грубы? Виноваты в этом вы, которые их не воспитали. Вы кричите, что мы сажаем в клоповники; но кто устроил эти клоповники? Мы сажаем вас в те клоповники, в которые сажали вы нас. (Аплодисменты). Мы много делаем глупостей. Мы растащили в имениях вещи, рамы в иных имениях вынимали. Мы сожгли департамент полиции в Петрограде, мы сожгли бумаги жандармского управления, и когда жгли, то радовались: вот чертово гнездо сжигаем! А теперь мы до сих пор не можем выловить целый ряд провокаторов. Товарищи! В момент борьбы я, конечно, сознавал, чувствовал ценность этих бумаг; но в тот момент я сам думал: «Проклятые, надо вас всех с жандармами сжечь!» (Аплодисменты).

Лицемерят люди, которые обвиняют нас в жестокости и грубости. Народ не бывает жесток. В минуту вспышки он может разорвать человека, но потом он плачет, что разорвал этого человека. А наши враги не жестоки, когда они у покойников выкалывают своими изящными зонтиками глаза? А те, которые вешают рабочих на фонарных

столбах, не спрашивая даже, большевик он или не большевик?

Борьба, которая велась много лет, в настоящий момент приняла ожесточенную форму, и рабоче-крестьянская власть, может быть, сделает целый ряд ошибок. Но я могу сказать только одно.—что центральная власть никогда, ни при каких обстоятельствах не делает что-либо в интересах враждебного нам класса. Все, что мы делаем, мы думаем, что делаем в интересах рабочего класса, в интересах крестьянства.

Может быть, мы неправильно написали декрет, может быть, декрет нехорош, но это может быть только от нашего неумения. Все же наши стремления, все желания, это—сделать хорошую жизнь для всего населения, главным образом поднять на высоту,—на такую высоту, на какой стояли раньше дворянство и помещичий класс, знания, образование, культурное воспитание, поднять непременно весь рабочий класс и крестьянство. Вот к чему мы все время стремимся.

Я в рабочем движении участвую уже много лет. Когда еще был учеником в мастерских, я помню, когда простая девица выходила замуж за рабочего, то она говорила, что выходит за пьяницу-блузника. А эти пьяницы-блузники работали по 14 часов в сутки. И было ли, товарищи, к нам уважение? Нет, никакого. Матюги и матершина гуляли по всем фабрикам и заводам. За это время рабочие постоянно боролись и наносили врагам удары. И мы видим, что постепенно роль рабочих расширяется, значение увеличивается.

Теперь рабочие и крестьяне выросли; они говорят, что мы может быть, будем очень ошибаться, но мы имеем силу и желание удержать власть во что бы то ни стало. Дворянство и кулаки думают, что нам не удержать своей власти. Но твердая, мозолистая рука рабочего и напористый ум крестьянина прут в одну сторону, и мы разобьем царского генерала Деникина и других. Разбив их, мы своими руками сумеем построить новую жизнь. Неужели же мы такие дураки, что не сумеем сделать те прекрасные квартиры, прекрасные мостовые, сады и про-

чее, где раньше наслаждались цари и их прихвостни? Мы устроим эти сады, устроим прекрасные учебные заведения, сделаем все это для всего народа, чтобы собственным трудом весь народ мог наслаждаться.

В эти общие усилия и вы, товарищи и граждане города Михайлова, вложите частичку своей работы. К нам из интеллигентских слоев переходят ученые люди, которые отдают нам свои познания. Я не сомневаюсь, что русские рабочие и крестьяне, может быт, через год, два,—пусть только будут уничтожены эти старые царские, хищные генералы,—покажут всему миру, как надо строить рабоче-крестьянскую культурную жизнь.

Но невозможно начать мирную работу, пока мы не уничтожим контр-революционеров, рвущих живое тело рабоче-крестьянской России.

---

2. КАК УЧАТ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ

Речь на митинге в городе Балашове, Саратовской губ., 31 июля 1919 г.

Товарищи красноармейцы и рабочие города Балашова! Сегодня здесь перед нами насыпан холм над одной из жертв народного невежества. Я смело скажу, что это есть жертва народного невежества, народной темноты и лицемерия дворянства. Те люди, которые привязывали собаку к этому трупу, нам, болеющим душою вместе с крестьянством и рабочим классом России, хорошо известны. Нам слишком известны эти дикие картины. Разве несколько лет назад не были разбиты бараки и не были растерзаны доктора, а тела их рассеяны по ветру темными народными массами юга России?

С тех пор, как рабочий класс и крестьянство начали бороться против самодержавия, оно всегда в трудную минуту выкидывало на съедение темной массе или еврейскую семью, или какого-нибудь агента «англичанки», или еще кого-нибудь. Они выкидывали их на съедение этой измученной, истерзанной, угнетенной толпе, и

толпа не замечала своих цепей, не скидывала тех цепей, которые опутывали ее. Много честных людей в России погибло от самодержавия в тундрах Сибири и в каторге. Мы сейчас ставим памятники не только коммунистам.

Я не сомневаюсь, товарищи,—над этой безвременной могилой будет воздвигнут памятник. Потребенный здесь, может быть, немного сделал для народа. Но это немногое было все, что он мог сделать по тем талантам и тому образованию, которое он мог получить в России. Разве мы можем обвинять только что закопанного товарища, что он мало дал? Он не мог много дать, потому что самодержавные железные кольца не дали ему образования. Но он русскому народу отдал все. Он отдал свою жизнь, и Россия его не забудет. Те люди, которые думают, что этой собакой опозорена память человека, глубоко заблуждаются. Память о нем будет вечна. А тех, которых хоронили в аксельбантах под бархатным покрывалом, забывают с самого дня похорон.

— Не знаю, доволен ли Балашов, что приехал я, представитель власти. Ведь у вас только что побывали представители власти более яркие, в золотых погонах, изящные, умеющие более красиво говорить. (Аплодисменты). У вас побывали представители власти, которых признает вся буржуазная Европа, представители белого дворянского класса. А я являюсь представителем черного, рабочего класса, крестьянского класса, я являюсь самым обыкновенным грубым мужиком. Рабоче-крестьянский люд выдвинул такого представителя власти, какого он хочет сам, а так как он сам в большинстве груб и черен, то он и представителя власти выдвинул грубого и черного мужика. (Аплодисменты). Может быть, многим балашовским гражданам не нравится иметь во главе государства одного из самых рядовых рабочих и крестьян, который не умеет расшаркиваться не только перед заграничными женами Вильсона и Ллойд-Джорджа, но даже и перед прекрасными буржуазными девицами города Балашова. (Аплодисменты). Да, нам некогда было учиться расшаркиваться. Мы вышли из тех рядов, ко-

торые борются со своим вековечным врагом, с дворянско-помещичьим и капиталистическим классом.

Два года мы ведем беспощадную кровавую борьбу. В этой борьбе многие отдельные рабочие трусят и перебегают на сторону наших врагов. Это вполне естественно. Пусть отдельные лица любят развратную и грязную буржуазию, но пусть они открыто идут к ней! Пусть каждый человек борется за свои принципы и идеалы. Мой идеал, мое счастье заключается в том, чтобы отправить на тот свет всю буржуазию, всех помещиков, всех врагов рабочего класса и крестьянства. (Аплодисменты). Тогда, я думаю, рабочий класс и крестьянство сумеют своими руками устроить мир лучший, чем был мир до сих пор.

Может быть, мы ошибаемся, но позвольте нам наши ошибки исправить собственными руками, позвольте не поручать этого делать Деникину и Колчаку, царским генералам, которые владели нами сотни лет и при которых наше счастье выражалось в постоянном пороний на конюшне. Деникины могут только вернуть нам конюшни, полицейские застенки и разгул казачьих и стражнических нагаек.

Мы испытали теперь новое счастье. Советская власть существует полтора года. Что она дала? Правда, она дала комиссаров, из которых некоторые так же великолепно умеют гулять с плеткой по улицам, так же умеют сажать в тюрьмы, так же умеют воровать, мошенничать, жульничать, брать взятки, как старая полиция. Все это правда. Я не скрываю, да и было бы смешно скрывать. Все об этом знают. (Аплодисменты).

Я говорю правда, что среди Советской власти много дурного элемента. Но я скажу вам также, что наши враги видят сучок в чужом глазу. Пусть они укажут хоть одно правительство в мире, где бы не было в правительстве спекулянтов, воров и взяточников. И спекулянтничают они, воруют и взяточничают в тысячу раз больше, чем у нас. У нас за спекуляцию каждый пойманный коммунист расстреливается безусловно, беспартийный сажается на 15 лет. Конечно, всех сразу не выло-

вишь, но никто не может сказать, что мы их не вылавливаем. С укреплением власти мы их всех повыловим.

Самая лучшая школа для рабочих и крестьян, это— попробовать на деле. Я со своей стороны предлагал шутя В. И. Ленину (он и посмеялся, но согласился со мною), чтобы в каждую губернию на один месяц посадить Деникина, и пусть граждане посмотрели бы, какова его власть, и сравнили, где лучше. Я не сомневаюсь, что как мы ни грубы, как мы ни жестоки, но мы ли к одному трупу деникинца собаки не привязывали бы. Я могу уверенно сказать, что если бы всех попытать по всей России, то единицы пошли бы за Деникиным, а огромное большинство сказало бы: «Плоха Советская власть, но она лучше, чем Деникины». (Голоса «Правильно», аплодисменты).

Почему же Советская власть плоха? А по очень естественной причине. Нас здесь сейчас около 3000, а скажите по совести, из этих 3000 человек 300 ведь еле-еле знают грамоту. Правильно это? (Голоса «Правильно»). А ведь мы управляем. И Калинин чуть-чуть только знает грамоту. Разница только та, что он побольше сидел в тюрьме и там побольше читал. (Смех и громкие аплодисменты). В этом только разница между мною и вами. И вот я стою во главе управления всей Россией.

Конечно, ошибок делаем много. Но посмотрите, ведь вы в деревне не можете справиться со своими маленькими спекулянтами, с теми, кто закашивает хлеб. Но если вы в деревне не можете справиться, то мне в Москве в сто раз хуже справляться с буржуазией. И конечно, у нас есть много дурного. Достаточно сказать, что у нас в Советской власти помимо дураков (дураков много, это— факт), много есть наших врагов, которые примазываются сознательно. Есть посланные от Деникина, Колчака. У меня встречались такие факты. Когда я был на восточном фронте, то я арестовал 70 человек наемных агентов Колчака. Ясно, что они делали. Когда бедняк придет, они его в шею выгоняли, все время старались показать: вот тебе Советская власть, в зубы тебе Советскую власть!». (Аплодисменты). Они это делали и должны

были это делать, потому, что они исполняли веления Колчака.

В общем, конечно, Советская власть находится в очень трудных обстоятельствах. Но в тех местах, где Деникин побудет месяцев 5—6 или где Колчак пробыл год, там Советская власть пустила глубокие корни. Теперь наши войска идут по Сибири церемониальным маршем. Сибирские крестьяне—не балашовским чета. Балашовский мужик имеет пару коров, да лошадь,—и говорят: «кулак», и он уже боится, что большевики отнимут корову или лошадь. А сибирский мужик имеет 25 коров, да 15 лошадей, а теперь они все пошли биться в Красную Армию против Колчака. Вот, товарищи, как крепко утвердил Колчак Советскую власть в Сибири. (Аплодисменты).

Точно так же Советская власть укрепляется и на Дону. Вот вам лучший пример—казак, говоривший передо мною. Мне кажется, казак не фальшивый,—видно и по лицу: страшноват только, да все казаки страшные. (Смех и аплодисменты). И, товарищи, такие вот не фальшивые казаки на нашей стороне—не единицы. В прошлом году с нами были только те казаки, которые боролись в Питере, которые против самодержавия боролись. Их были единицы, а теперь товарищ Ермаков вам скажет, что у нас—самые лучшие кавалеристы-казаки, перешедшие от Деникина, и теперь мы уже деникинских казаков бьем советскими казаками.

Вот, товарищи, как растет Советская власть. Она растет не потому, что Советская власть хороша (и я не очень хорош),—она растет, потому, что Деникин,-то уже совсем сволочь (смех), что Деникин—враг рабочих и крестьян, и враг беспощадный. На русских рабочих и крестьян он смотрит, как на собак, и не может иначе смотреть.

Вы помните, товарищи, как бывало помещицы шли в баню мыться и около них были мужики, а они говорили: «Чего я буду стыдиться перед мужиком, это—не человек». (Смех). Вот вы, товарищи, смеетесь, а какая это глубоко-печальная истина для нас. И поэтому та зе-

ленная армия, которая идет к Деникину, когда попробует деникинского хлеба, когда познает рай этого деникинского житья, конечно, прибежит к нам. И когда этот сбежавший вернется от Деникина, то это будет лучший солдат. (Смех).

Это дает нам твердую уверенность, что Деникина мы победим. Я вот говорил с командирами: нельзя ли, чтобы в Балашове (так как Балашов, говорят, ужасно не любил большевиков и Советскую власть) побыли казаки хоть месяц? Но, увы, командир говорит, что этого нельзя. И вот в этом наше горе. Ведь в неделю человека хорошо узнать нельзя. Я уверен, что вы этих банд совсем не узнали. Их не успели узнать хорошо и наши советские служащие, которые на машинках печатают и ждут не дождутся прекрасных кавалеров. (Смех).

Конечно, враг силен, но он силен не тем, что у него много солдат: мы бы их разбили в три дня, если бы мы вполне понимали всю необходимость того, что нам надо их задавить. Но, товарищи, главное—то, что мы не умеем вполне понять наших врагов, не умеем понять, что мира между нами и ими быть не может или может быть мир, но этот мир—садись на цепь. А когда рабочие и крестьяне сядут на цепь, то Деникин и устроит им не такую баню, которую он им здесь устроил, а такую баню, что тысячи лягут в могилу и даже собак не хватит, чтобы к их трупам привязывать. Это во многих городах так бывало.

Ясно, товарищи, что за то унижение белой кости и дворянской спеси, которое мы нанесли за эти два года, они отплатят сторицей.—без этого им не обойтись. И поэтому сейчас иного выхода нет, их надо победить. Уверенность, что победим мы, у нас есть, во-первых, потому, что у нас остался только один серьезный враг—Деникин. Колчака мы уже разбили. В два месяца мы его отогнали на тысячу верст, и теперь сибирские мужики его скоро сами прикончат.

Но пока расправлялись с Колчаком, усилился другой коротышка—Деникин. Если мы примемся серьезнее за дело, обяжемся его скорее прикончить, то за эти

оставшиеся летние месяцы, за август, сентябрь мы прикончим, чтобы зимой армия не мерзлась. Пора отдохнуть рабочим и крестьянам.

Когда я объезжал приволжские города, то видел там невероятный урожай. Ко мне приходили крестьяне и жаловались, что у них не хватает рук для снятия этого урожая. А Исполком говорит, что в городе десятки тысяч приехавшей кормиться буржуазии в великолепных ботиночках, в беленьких шляпочках, как будто здесь не голодная Россия, а какая то Англия. И я отдал приказ отправить их всех на поля: пусть узнают, как растет хлеб, с каким трудом он добывается. (Бурные аплодисменты)..

Да разве мало полей, где нужны были бы рабочие руки, где можно было бы помочь? И если они—честные люди, то пусть начнут работать. Если мы увидим, что руки у них щелятся, не выносят серпа, то мы дадим им более легкую работу, мы заставим их вязать снопы, носить их; крестьяне и рабочие—народ добрый (смех и аплодисменты), но не позволим им шататься по Невскому проспекту или по вашему здесь, по балашовскому проспекту.

Мы боремся против того, что, бывало, если человек родился от бездельников и умер бездельником, то кричат: «Какой великий человек!». (Смех и аплодисменты). А и вся заслуга то его в том, что он родился богатым и умер богатым.

Есть мужички, которые в плохую годину России закопали керенки и думают: «Ох, большевики придут и отберут эти керенки». И эти, закопавшие керенки, они трудящиеся люди. Какие они кулаки? Они скупились всю жизнь, всю жизнь пахали, пахали в кубышку, а жили по-свински. У меня и мать такая же. (Смех). И вот теперь, жалея кубышку, ждут Деникина. И наивно думают, что Деникин глупее большевиков и не сумеет отобрать эти керенки.

Какая наивная простота! А я скажу, что большевики не умеют отбирать. Большевики кто? Бедный крестьянин. Вот бедный крестьянин отобрал барана, съел его,

и кричат: «Большевик». А он, товарищи, первого барана в жизни съел. Но большевики не умеют добраться таким путем до керенок, чтобы мужики и не заметили, как керенки уже тю-тю и в государственном банке. Нас лучше грабители грабят, это—те, которые хлеба не дают. А как же Советской власти не отбирать этот хлеб, когда у нас в некоторых губерниях съедена людьми вся солома, когда в Олонецкой губернии крестьяне весь мох съели? И чтобы в это время в Балашовском уезде в ямах были тысячи пудов хлеба и чтобы этот хлеб продавался по спекулятивным ценам!.. Да какой же я тогда буду староста? Ясно, что я должен взять за горло богатого балашовского мужика, взять у него лишний хлеб и послать олонецкому. Это, товарищи, я делал и буду делать. (Аплодисменты).

Если рассуждать, что это хлеб ваш, то вот недавно рабочие Иваново-Вознесенска заявили: «Дайте нам мануфактуру, которую мы делаем, и мы обменяем ее на хлеб». Мы сказали, что мануфактура не ваша, каждый крестьянин имеет право на этот лоскут. И рабочие замолчали. И вот, товарищи, если я такие требования предъявляю к рабочим, то то же самое должно быть и у крестьян.

Сейчас выхода для рабочих и крестьян нет. Но я думаю, как бы враг нас ни душил за горло, сколько бы глупостей мы ни делали (укажите мне хотя бы одного старшину, который бы не наделал глупостей за три года), но на этих глупостях и ошибках мы, рабочий класс, учимся. Вы замечаете, что Деникин вот, кажется, так бьет, как будто все для нас погибло. А вот опять мы встали и гоним Деникина. А почему? Да потому, что мы некультурны, необразованы, все хитрости их не умеем предусмотреть. А как познакомишься, узнаешь, в чем дело, тогда и исправляешь ошибки. И мы чувствуем, что ошибок становится все меньше. Хозяйство постепенно налаживается. Как разбили мы Колчака, так разобьем и Деникина.

Рабочие и крестьяне хотя и необразованы, но народ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

напористый, как бык: напрет на что-нибудь, мощной его с места не сдвинешь. Так будет и у нас.

Деникину-белоручке не задушить рабочего класса. Временно он обманет сотни тысяч крестьян, но обманутые воротятся назад и с большей яростью нападут на него. Рабочие и крестьяне, имея крепкие кулаки и здоровые головы, перетянут. Мы разобьем и выкупаем Деникина в Азовском море. (Бурные аплодисменты).

---

3. НЕЛЬЗЯ СТОЯТЬ В СТОРОНЕ.

Речь на митинге-концерте в гор. Тамбове 2-го августа 1919 год.

Товарищи! Иногда история отпускает в высшей степени злые шутки. Что может быть злее того, что на международной арене отсталый российский рабочий класс и российское некультурное крестьянство играют первую скрипку, борются в авангарде за идеалы человечества? И какая эта ирония судьбы по отношению к тем людям, которые по своему воспитанию, по своему знанию русской литературы, призывавшей бороться за идеалы человечества, занимали первое место! А теперь, в момент, когда действительно пришло время борьбы за идеалы в мировом масштабе, некультурные рабочие и крестьяне остались одинокими не только во всем мире, но и в России. Грубые крестьяне и рабочие, не знающие ни международной теории, ни даже священной истории, в настоящее время борются за идеалы всего человечества. А соль русской земли—интеллигенция,—оказалась в хвосте!

Еще бы пол-горя, если бы они были только в хвосте. Но они оказываются в большинстве во враждебном нам лагере. Что может быть невероятнее, чем этот случай? Очевидно, та теория, которую всегда признавали не теорией высоких идеалов, а теорией голода,—материалистическая теория отрицала себя. Мы, материалисты, всегда подчеркивали, что мы боремся за ма-

териальные интересы рабочего класса и крестьянства, за их лучшее существование.

Теперь мы оказались в тысячу раз более идеалистами, чем люди, кричавшие о святости идеалов. А между тем, в настоящий великий момент всемирной классовой войны как важно было бы для ее скорейшего окончания, для уменьшения количества жертв, чтобы культурные слои проявили хоть чуточку любви к рабочему классу и крестьянству! Они тогда принесли бы огромную пользу строительству новой жизни.

Сейчас положение таково, что не может существовать людей серединки, полукрасных или получерных. Есть только черные и красные. И еще остаются люди, настолько зараженные мещанской психологией, что на переломе величайших событий, захвативших многомиллионные массы, мечтают о возможности стоять в сторонке, быть посредине! И ведь из этой среды выходили когда-то писатели, которые просили бури, ждали момента, чтобы рабочий класс и крестьянство восстали!

Эти писатели призывали к восстанию. А их потомки, когда рабочий класс и крестьянство восстали, что из себя представляют? Они оказались выродившимися шкурниками-обывателями. Но тщетно будет обыватель искать покоя своей трусливой душе в момент беспощадной борьбы. Поведение премудрого пескаря в конце концов не спасло его от щуки. Есть сейчас только один способ уменьшить остроту индивидуальных страданий: это—влиться в русло борющихся, в тот или иной лагерь.

Я понимаю, когда Каледин застрелился. Я понимаю, когда Гришин-Алмазов пустил себе пулю в лоб и уже умирающий пустил новую пулю матросам: это—достойный враг, который сознает, что идет беспощадная борьба, и что середины в этой борьбе нет, что эта середина будет топтаться и той и другой стороной. Жалуются, что Советская власть слишком беспокоит обывателя. Но я считаю, что наша власть еще мало топчет эту середину. Когда миллионы людей погибают, когда многомиллионная масса, разбившая цепи, выходит на новый путь

жизни, бесчестно стоять в сторонке. Советская власть делает немало ошибок. Кто виноват в том, что рабочий класс и крестьянство делают эти ошибки? Виноваты вы, лицемеры! Виноваты вы, подстрекавшие народ, а когда народ выступил, то оказавшиеся в кустах. Вина за ошибки, которые делают рабочие, целиком ложится на голову этих мещан, окончивших университеты и гимназии, вспоенных и вскормленных на спине рабочего класса и крестьянства. (Аплодисменты).

Ведь каждый честный человек, чуть-чуть мыслящий и болеющий нуждами своего народа сознающий, что он — русский, не может отойти от своего народа. Он не может быть тряпкой: он должен быть или холодным и итти к Деникину, или горячим и итти к народу. Кто на средине, тот — худший враг рабочего класса, ибо только тот стоит на средине, кто не имеет души, кто лицемер до мозга костей, у кого нет другого чувства, кроме чувства животного страха за свою шкуру. А в острые моменты людей, имеющих только животные инстинкты, бьют и с той, и с другой стороны.

Давно ли эти тупоголовые мещане ходили со стягами и кричали: «Да здравствует великодержавная Россия»? Это — при самодержавии, при стремлении завоевать Константинополь, это — при том положении, что завоевания должны были невероятно придавить культуру и усилить самодержавие. А теперь, когда есть все шансы России превратиться в великую свободную страну, теперь, когда в жизни, может быть, воплощается то «новое слово», которое, как думал Достоевский, должно сказать славянское племя, теперь вы обливаете все новое слюною бешеной собаки.

Мы переживаем эпоху, какая бывает один раз в тысячу лет. В центре событий этой эпохи стоит русский рабочий класс и крестьянство. К ним обращены взоры всего мира. Все угнетенные смотрят на них с любовью и упованием. А глаза угнетателей всего мира сверкают ненавистью к нам. Пусть хоть один из вас взойдет на эту трибуну и скажет, что это — неправда! И у вас хватает

животного тупоумия и толстокожести, чтобы стоять в стороне от событий в такую эпоху!

Россия может остаться великой, независимой страной только при рабоче-крестьянской власти. Последний тупица может уже понять, что если у власти появится Колчак или Деникин, то России, как России, больше не будет. Это будет колония, данница европейского империализма. Это вовсе не будет та держава, за которую недавно посылали стяги и кричали: «Да здравствует победа».

Лицемеры говорят, будто мы являемся узурпаторами, будто мы не представляем весь русский народ. Покажите же мне такое правительство, которое представляло бы в своем лице больший процент населения! Разве Клемансо представляет большее количество людей, чем представляет Калинин? Я не сомневаюсь, что Калинин в своем лице представляет 80% всего российского населения. (Аплодисменты). И я смело могу сказать не только от своего имени, но и от имени Советской власти, что единственная власть, которая может быть названа национальной, действительно обнимающей всю национальность, это—Рабоче-Крестьянская Советская власть.

Идите же в ногу с нашей, будьте заодно с Советской властью! Как бы вы ни старались, ваше крохотное индивидуальное благополучие во всякий момент такой эпохи легко может быть разбито. Случайным набегом казачьих разъездов ваши жены будут опозорены, ваши дома расхищены, ваши культурные начинания разрушены. Теперь счастье прочно тогда только, когда вступаешь в ряды той или другой стороны. А для честного человека, любящего свою страну, единственный путь к счастью, это—влиться в рабоче-крестьянскую среду, бороться винтовкой или знаниями за общее дело народа.

Если вы и погибнете в этой схватке, то погибнете с лучшими мыслями в голове, погибнете в момент, когда перед вашим духовным взором будет рисоваться не костлявая смерть, а величайшая в истории красота, расцвет новой эпохи в жизни человечества. (Аплодисменты). Укажите мне лучший исход для отдельного человека, ука-

жите счастье более прочное, чем участие в этой великой борьбе на стороне свободного народа!

И после этого каким лицемерием дышат эти вздохи по поводу маленьких несчастий, эти сетования на ошибки, грубость, дерзость, на мелкие издевательства, которые сейчас позволяют себе неудачные агенты Советской власти! Из-за перелеска люди не видят огромного леса. Неужели можно думать, что мы, стоя в центре Советской власти, не видим всех тех ненормальностей, всего того огромного количества неприятных переживаний, которые выпадают на долю обывателя? Все это слишком хорошо известно. Но когда происходят великие события, когда мы без оглядки идем за путеводной звездой в царство свободы рабочих и крестьян, мы не можем уделять достаточно внимания устранению мелких огорчений обывательского прозябания. Много еще будет частных несчастий, отдельных страданий. Но когда идет миллионная армия, она все топчет на своем пути. Все страдания, переживаемые в этот момент отдельными лицами, стушевываются. Все сливается в общем желании победить.

Стихийный порыв к победе охватил рабоче-крестьянские массы. Это дает твердую уверенность, что они перенесут еще много страданий, может быть, сделают еще много ошибок, но победа будет за ними. Все препятствия будут сметены Красной Армией, которая может временно отступать, но никогда не может быть окончательно разбита. После каждой своей неудачи она наносит более сильные удары врагу. Это мы уже видели на колчаковском фронте. Мы уже видим огромный перелом и на юге и здесь наша окровавленная Армия оправилась и снова наносит жестокие удары. Красная Армия, выдвинутая из недр великого народа, нанесет скоро окончательный удар. И красное знамя крепко будет водружено над Российской Советской республикой.

4. ЗАДАЧА КРАСНОЙ АРМИИ.

Речь к красноармейцам и перебежчикам-колчаковцам в Нарвских казармах г. Смоленска 10 июня 1919 года.

Товарищи! Среди знамен рабочих и крестьян Красной Армии находится знамя, на котором написано: «Колчаковцы идут против Колчака». В этих самых простых словах сказалась сущность рабоче-крестьянской власти. Сейчас, товарищи, происходит война не против крестьян Сибири, не против крестьян других национальностей, не против инородческих крестьян бывшей царской империи, а происходит жестокая, окончательная схватка с Колчаком. Под словом «Колчак» я подразумеваю те группы, те слои населения, которые идут за ним по своей доброй воле.

Мы знаем отлично, что в рядах Деникина и в рядах Колчака 50%, а может быть и 80%—родные нам братья, родные по крови и кости. Вот эти-то товарищи находятся сейчас среди нас.

Но основное ядро в колчаковских армиях состоит из бывших помещиков, богачей, из бывшего офицерства. Вот это-то ядро представляет в своем лице непримиримую, крайне враждебную нам силу. Пока мы этой силы не победим, до тех пор мы не сможем наладить вполне рабоче-крестьянское царство.

Вначале у них не было к нам такой ненависти, как сейчас. Почему? Только потому, что богачи-помещики, старые генералы и офицерство почувствовали, что рабочие и крестьяне, захвативши власть, без самой отчаянной схватки, без смертельной борьбы этой власти из своих рук не отдадут. Они почувствовали, что рабочие и крестьяне, та бессловесная скотинка, которая тысячу лет угнеталась, эксплоатировалась всеми, кому только не лень, что эти рабоче-крестьянские массы задались целью построить рабоче-крестьянское государство и уничтожить всех эксплоататоров.

Полтора года мы ведем борьбу с врагами рабочих и крестьян. При нашем неумении править большим государством, при нашей неспособности к организации, только

благодаря выдержке и желанию каждого крестьянина и рабочего удержать власть в своих руках, только благодаря огромному самопожертвованию и рабочих и крестьян держится Советская власть. Это самопожертвование огромно. Те, кто бывал на фронте, знают, что переживается нашими красноармейцами. Они знают, сколько претерпели голода наши рабочие, при каких трудностях крестьяне сейчас налаживают свои хозяйства. Несмотря на дьявольские условия, мы видим, как день за днем, неделя за неделей наша крестьянская армия растет. Она колотит старых царских генералов. Она создала до 3.000 красноармейского офицерства, большинство которого вышло из рабочего класса и из рядов крестьянства.

До сих пор еще никогда в мире ни одна армия не защищала интересы рабочих, интересы крестьян. Все армии всегда только защищали интересы буржуазии. Немецкие рабочие защищали интересы немецких богачей. русская армия защищала интересы царских чиновников и генералов. И только сейчас наша Красная Армия непосредственно защищает интересы рабочих и крестьян. И только эта причина заставляет даже дисциплинированных французов бежать от повстанческих партизанских отрядов наших украинских войск. Несомненно, что и воля, и сама Красная Армия, и вооружение тех украинских солдат, которые брали Одессу и Херсон, было в сто раз хуже, чем у французских солдат. Однако французские солдаты уступили, систематически отказываясь воевать с нами, а частью французские солдаты сознательно переходили в плен. И вот эти-то причины и дали возможность очистить Херсон, Одессу, Николаев.

Французские солдаты уже поднимают вопрос: «Зачем мы будем воевать с русскими рабочими и крестьянами? Ведь у нас республика и у них республика. Только в нашей республике сидят буржуи, которые борются с русскими, потому что там рабочие и крестьяне».

Неужели сейчас, когда есть возможность нанести окончательный удар русской контр-революции в лице Колчака на восточном фронте, в лице Деникина на казачьем фронте и в лице польских банд, которые пали-

мают на нас на западном фронте, мы упустим момент? За эти полтора года при самых плохих условиях мы сумели отвоевать не меньше, чем половину нашего государства.

Вы помните, наша граница была около Воронежа, теперь она отодвинулась до Черного моря. Колчак у нас наступал на Казань и мечтал не сегодня—завтра быть в Москве, а в настоящий момент его банды уже за Уфой. Все это дает нам полную надежду, что мы, захватившие власть в свои руки, удержим ее, несмотря на то, что делаем ошибки.

Я думаю, что у нас хватит настолько ума и желания, выдержки и настойчивости, чтобы нанести окончательный удар тем врагам, которые тысячу лет притесняли наших отцов, дедов, которые эксплоатировали, пороли на конюшне и на собачье этих отцов и дедов.

Наши сыновья, наши братья, плоть от плоти, кровь от крови нашей, плотию спаянные, наша дорогая Красная Армия побьет своего врага, чтобы воцарилось рабоче-крестьянское братство, рабоче-крестьянская власть.

---

5. КОММУНИСТЫ НА ФРОНТЕ.

Речь на ж.-д. станции «Алатырь» к юрьево-польскому отряду коммунистического батальона 7 мая 1919 г.

Товарищи! Приветствуя коммунистические роты из Владимирской губ., я не считаю нужным обучать вас социализму; здесь находятся товарищи, вполне понимающие принципы и задачи нашей партии. Я не буду призывать вас к храбрости,—у партии коммунистов за эти полтора года гражданской войны не было случая, чтобы бежали с поля брани, и я думаю, что нет никакого основания призывать к этой храбрости и вас, тов. владимирцы-коммунисты, ибо само звание коммуниста уже определяет храбрость и доблесть. Но, как старший товарищ, я призываю вас к осторожности: на фронте, помимо храбрости и доблести, требуется еще огромное спокойствие, умение сохранить себя. В современной войне применяются все технические средства, происходит скорее работа голосы, а

не сердца. В этой войне все силы каждого рядового красноармейца должны быть направлены на то, чтобы уметь ориентироваться в тех условиях, в каких он находится. Товарищи-коммунисты, как наиболее культурные и знающие, за что они борются, как наиболее умеющие ориентироваться в боевых обстановках, вы, товарищи, эти знания должны передать всем остальным красноармейцам. Товарищи, мы несем великое знамя освобождения,—это известно как мне, так и каждому коммунисту,—но, чтобы это знамя победило, мало нашей храбрости и доблести, мало нашего желания умереть. Я уже вам сказал, что товарищи-коммунисты никогда не боятся с открытым лицом взглянуть в лицо смерти, но вот надо всю остальную непартийную массу заразить желанием сражаться с врагами народа. И я думаю, что владимирские коммунисты, выступая на поле брани, не только покажут доблесть и храбрость и желание умереть, но также и умение ориентироваться: они покажут дисциплину, которой должны руководиться красноармейцы; они научат всю нашу серомягкую массу, как надо уметь воевать, чтобы умело наносить удар врагу; ибо не забывайте, товарищи, что мы побеждаем врага не только тем, что мы его бьем, но и тем, что бьем его с наименьшими для нас потерями.

Вторая задача, товарищи, которая целиком будет ложиться на вас,—это, проходя чрез огромное пространство России, населенное большей частью некультурной массой,—оставлять самое лучшее воспоминание о себе, чтобы каждый крестьянин определенно знал, что если в отряде есть два-три коммуниста, то этот отряд наиболее мягко относится к крестьянству, и этот коммунист является в то же время и учителем. А ведь вы идете как раз по тем губерниям, которые в культурном отношении наиболее отстали. Вы встретите на своем пути различные народности: чувашей, мордву, татар, и от вашего умения зависит привлечь все это население на нашу сторону. И это одна из главнейших задач: если мы сумеем привлечь население на нашу сторону, то дело будет сделано. Я не сомневаюсь, что владимирские коммунисты как на боевых позициях, так и по обслуживанию местного населе-

ния проявят весь энтузиазм, всю свою энергию, всю выдержку и дисциплину и любовь к трудовому крестьянскому населению.

Да здравствуют товарищи владимирские коммунисты! Да здравствует Красная Армия! (Громкое «ура» и аплодисменты).

---

6. КРАСНЫЕ КОМАНДИРЫ И СТАРЫЕ ОФИЦЕРЫ.

Речь первому выпуску красных командиров Могилевских Командных Курсов 15 июня 1919 года.

Товарищи! Позвольте от имени Российской Социалистической Федеративной Советской Республики первый выпуск курсантов Могилевских Красных Курсов объявлять красными офицерами Российской Красной Армии!

Товарищи! Звание красного офицера, это — самое почетное звание, какое только может быть получено в революционное время, в революционном народе. Перед вами, товарищи красные офицеры, открыт большой путь непосредственной практической работы. До сих пор революционеры никогда не боролись столь организованно за право угнетенного народа. До сих пор революционеры были предводителями тех классов, у которых не было власти в руках.

Мы, революционеры, мечтали о том моменте, когда народы, порабощенные капиталом, крестьянство и рабочие, с оружием в руках будут защищать свои интересы. Этот момент настал. В настоящее время в Российской социалистической республике власть находится в руках рабочих и крестьян. У них же находится и оружие. И они для борьбы с поработителями создают свою Красную Армию, красный командный состав.

Если перед командным составом старой буржуазной армии стояли и стоят огромные задачи непосредственно по воспитанию солдат, то перед командным составом Красной Армии эти задачи в десятки раз выше. Помимо тех непосредственных задач, которые ложатся на вас, как на будущих командиров Красной Армии, помимо

боевых задач, которые являются вашей специальностью, перед вами, как перед представителями нашей социалистической власти, открывается широкое и благодарное поле политической работы.

Надо не забывать, что наша армия состоит из рабоче-крестьянских масс, которые не вполне прошли политическую школу. Надо не закрывать глаз на то, что перед красным офицером, помимо непосредственно боевых задач, стоит задача по воспитанию наших солдат, по превращению их действительно в сознательных защитников коммунизма. Если мы создадим армию, где будет 10—15% вполне сознательных коммунистов, то не будет тогда в мире армии, которая могла бы бороться с нами.

Но помимо непосредственной специальности и политической работы в армии, большинство из вас, как коммунисты, как непосредственные агенты социалистической власти, будет связано с местным партийным коллективом. А вы знаете, какой у нас огромный недостаток в партийных силах во всех отраслях работы.

Поэтому, когда вы будете находиться в том или ином местечке или городке, вы, как граждане, как коммунисты, как наилучшие представители Красной Армии, люди, прошедшие школу с повышенными знаниями, этими знаниями должны будете делиться со всеми окружающими. Вам придется, проходя тысячеверстные пространства нашей республики, встречаться с целым рядом народностей, совершенно иначе живущих, чем живем мы. Сейчас мы находимся на западной окраине Российской республики с белорусским населением, с еврейскими массами; а если вы переместитесь на восток, то там вы встретите народы, живущие совершенно особой жизнью, имеющие другие бытовые условия; и с этими бытовыми условиями, конечно, не каждый сможет быстро освоиться.

Перед нами стоит задача привлечь на нашу сторону местное население. А кто может привлечь население, как не красный офицер, проникнутый глубоким желанием служить Советской власти? И поэтому понятно, что эти красные офицеры должны быть первыми учителями, ко-

торые должны учить и Красную Армию, как нужно относиться к населению.

Вам придется сталкиваться со многими гражданскими учреждениями. Ни для кого не секрет, что военные учреждения слишком мало считаются с гражданскими учреждениями в смысле занятия квартир, предметов потребления и т. д. И красный офицер, вполне ориентирующийся во всей экономической жизни России, при использовании того или иного учреждения всегда будет считаться с тем, не помешает ли это экономическому развитию России, не затормозит ли это работу той или иной фабрики.

Жизнь в настоящий момент настолько разнообразна, обстановка так быстро меняется, что командирам Красной Армии самим на месте придется приспосабливаться, принимать те или иные решения. И я не сомневаюсь, что наш красный офицер, проникнутый беззаветной любовью к новому, нарождающемуся коммунистическому строю, отлично понимает, что коммунистический строй укрепляется не только непосредственной физической борьбой, но и огромным творчеством в экономической и культурной жизни страны.

От души желаю, чтобы вам первый выпуск дал много деловых работников на всех постах советской работы.

Я от души желаю, чтобы те месяцы, которые вы провели здесь, остались неизгладимым воспоминанием о вашей товарищеской среде. Может быть, жизнь раскидает вас во все концы Советской республики, может быть, и во все концы мира, но за тысячи верст от Могилева, когда вы будете встречаться, вы почувствуете братство со старым курсантом. Я не сомневаюсь, что ваша первая семья,—родная семья, работая на различных окраинах республики, оставит о себе лучшие воспоминания.

Еще раз желаю вам самого лучшего будущего и желаю, чтобы ваш первый выпуск послужил залогом для дальнейшего успешного выпуска таких же прекрасных, как вы, красных офицеров, таких же работников социалистической республики. (Бурные аплодисменты).

После обмена приветствиями, в своей заключительной речи тов. Калинин сказал следующее:

— Считаю своим нравственным долгом не только от имени власти, но и от имени рабочих и крестьян, поблагодарить старый командный состав за то, что он поделился теми знаниями, которыми располагал. Этим самым наши старые товарищи офицеры, может быть, вначале чуждые революционным принципам рабоче-крестьянской революции, несут ответственную и почетную работу и становятся ближе к нам.

— Несомненно, товарищи, новое мировоззрение, которое ломает всего человека, которое изменяет совершенно его жизнь, приобретается долгой внутренней борьбой. Несомненно, старому офицерскому составу, воспитанному при другой обстановке, но в огромном большинстве состоявшему из той же по существу интеллигентской прослойки, трудно впитать в себя новые запросы (ведь офицерства из представителей буржуазного класса среди обучающихся нет).

Офицерская среда, которая несла тяжелую повинность, была так же задавлена высшим начальством, как и все солдаты. И если товарищ солдат был задавлен только физически, то офицерство было невероятно задавлено и морально. Офицеру, у которого было хотя немного самолюбия, не было житья в старых царских армиях. Когда я был в ссылке и там имел связи с офицерами, то эти офицеры часто заявляли, что вы, рабочие, и представить себе не можете всех тех унижений, которые мы испытываем. Достаточно привести такой пример: офицер идет к командиру дивизии и просит:

— Позвольте поступить на воздухоплавательные курсы.

— Убирайся вон, дурак!

И ни одного движения мускула, ни звука протеста не имел права заявить офицер. Вот в каком положении находилось старое офицерство. Огромные слои офицерства были совершенно задавлены, и поэтому вполне естественны те трудности, которые стоят на пути у этого забитого, задавленного, в большинстве своем неимущего

офицерства, как трудно ему перейти на новую точку зрения, сделаться защитником нового социалистического строя.

И я думаю, красные офицеры, которые получили свои военные знания от нашего старого офицерства, в благодарность за это, вливаясь в поредевшие ряды, приблизят этих офицеров к психике солдат, внесут изменения и облегчения того тяжелого психологического переживания, которое у них сейчас происходит.

Я не сомневаюсь, что красное знамя, которое вы сейчас держите, будет твердо держать не только красный офицер, но и те офицеры, которые с каждым днем все больше сливаются с Красной Армией. А новые кадры красного офицерства заставят их слиться еще больше; и недалек тот момент, когда у нас будет единое красное офицерство, среди которого будут старые товарищи со старыми чудаческими замашками, но к этим замашкам наше красное офицерство будет относиться так же, как относится молодежь к некоторым чудачествам стариков. Красное офицерство будет относиться с снисхождением потому, что это чудачество сможет изменить, может быть, только могила. А мы, зная его честность и принадлежность к нам, эти отдельные чудачества вполне сможем простить.

Одним словом, в недалеком будущем у нас будет молодое революционное офицерство и старое, тоже боевое офицерство, спаянное одной волей, общим стремлением к братству народов.

Товарищи! Заканчивая свою речь, я должен сказать, что это красное знамя, которое вы держите, не выпадет из ваших рук никогда.

С вами, с новыми молодыми борцами нам не страшны Деникины, Колчаки, нам не страшны никакие враги. Мы чувствуем, что наша рать растет. Я вижу, что растут новые молодые силы с новой, железной рабоче-крестьянской энергией. И неужели эта молодая рабоче-крестьянская энергия не нанесет окончательного удара врагу?

Она нанесет! При виде вас, я ничуть не сомнева-

юсь, что вы нанесете окончательный удар всей контрреволюции и водрузите знамя социализма по всему миру.

Чижиков (от лекторов курсантов). Я только что слышал от вас относительно командного состава и должен сказать, что большинство из нас сливается душой и телом с вами. Услыша правильную и разумную оценку нашей деятельности и участливое отношение к офицерам старой армии, я лично считаю долгом заявить, от лица всех руководителей, что мы приложим все силы, чтобы дать новым красным офицерам все, что мы в состоянии дать, чтобы они могли прийти к окончательной победе. Вас же, дорогие молодые офицеры, с которыми мы слились душой, я призываю добросовестно выполнить свой долг и со своей стороны должен уверить, что мы в Могилеве свои обязанности исполним честно. А если появится необходимость, когда В.Ц.И.К. сочтет нужным отправить нас в армию, то поверьте, что мы бок-о-бок будем идти с вами за одно общее дело, за которое мы должны отдать всю душу и тело. Я происхожу из той же среды, как и вы и поэтому мое стремление,—окончательная победа над врагом. Позвольте, товарищи-офицеры, пожелать вам успеха и выразить вам благодарность за хорошее о нас мнение. И я должен сказать, что это мнение заставит вас отдать не только свои знания, но все силы и жизнь на защиту ваших интересов.

Калинин. (поднимая руку оратору). Товарищи! Я надеюсь, что я высказываю доверие командному составу не только от В.Ц.И.К., но и от всего рабочего класса и крестьянства и от тех офицеров, которых мы произвели. Роль, которую выполняет командный состав, это—самая благодарная роль. Рабоче-крестьянский народ никогда не забудет этого, и я не сомневаюсь, что вы, т.т. офицеры, в наших рядах найдете успокоение и удовлетворение вашего самолюбия. (Бурные аплодисменты).

7. ПОЛИТИКА ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ.

Речь на объединенном заседании ответственных советских работников, представителей партийных организаций и профессиональных союзов в гор. Тамбове, 3-го августа 1919 года.

Товарищи! Оценка международного положения, которая была намечена год назад, в своей основе остается та же до сих пор. Предположения наши оказались математически справедливыми.

Мы знали, что при захвате власти пролетариатом произойдет разделение всего человечества на два лагеря. В одном лагере будут нарастать революционные силы международного пролетариата, а в другом будут концентрироваться силы международной контр-революции. И эти силы будут постепенно разлагаться.

Я не считаю возможным здесь дать вам полную картину международных отношений, я только приведу самые краткие сведения. За этот год почти на нет сошел германский империализм, парализуемый германским рабочим классом. Во всех прочих странах революционное движение поднялось на более высокую ступень: оно несомненно сильнее, чем год назад. В самое последнее время мы видим, как постепенно парализуются под давлением рабочих масс силы Антанты.

Те противоречия, которые скрываются в недрах капиталистического строя, в стане Антанты так сильны, что государства Антанты до сих пор не умели сойтись между собою. Если бы не опасность большевистской заразы, то, вероятно, мы присутствовали бы при новой потасовке империалистических держав.

Наша внутренняя политика должна считаться с международным положением. Внешняя политика неотделима от внутренней политики. Империалистические государства стараются всеми мерами задушить очаг мирового пожара—Российскую социалистическую республику. Может быть, европейские державы не столь ожесточенно отнеслись бы к тому, что происходит в России, если бы они были уверены, что развитие социалистической Со-

ветской республики не зажигает революционным стремлением их рабочие массы. Российская Советская республика, окруженная со всех сторон врагами, должна ожесточенной борьбой отвоевывать каждый час своего существования. Ненависть к нам западно-европейских империалистов растет все больше. Если бы у них была возможность, они, несомненно, направили бы против нас огромное количество войск.

В прошлом году нужно было наносить удары только русской буржуази, и наносил их только пролетариат. Теперь постепенно, с укреплением Советской власти, Советское правительство втягивает в орбиту своей политики и все остальные слои русского населения. В начале захвата власти рабочий класс был одинок. Крестьянство в широкой массе, деревня, как деревня, в первый момент непосредственного участия в борьбе не принимала. Но вот Соетская власть постепенно укрепляется,—и начинается втягивание новых слоев, новых лиц.

Российская коммунистическая партия постоянно говорила, что победа русской революции может быть закреплена только тогда, когда рабочий класс и крестьянство будут тесно объединены. И как только власть укрепилась, правительство тотчас самое большое внимание обратило на крестьян. Это первый союзник, который неумолимой логикой развития революционного движения в России был самыми тесными узами связан с рабочим классом. Победа крестьян над помещиками связана с победой рабочего класса над капиталистами.

В крестьянстве наша работа иная, чем среди рабочих. Рабочая среда подготовлена к коммунистическому строю. В инстинкте рабочих глубоко сидит коммунистический идеал. Совершенно не то мы видим в крестьянстве. Крестьянская среда коммунизмом не проникнута, к коммунизму не стремится. Крестьянство является обыкновенной мелко-буржуазной средой, зараженной всеми мелко-буржуазными предрассудками. Поэтому наша работа в этой среде должна быть иначе поставлена.

Если в деревне оратор начнет говорить, что вы являетесь авангардом мировой революции, то мужики

очень холодно отнесутся к этому. На первых шагах, когда мы явились в деревню с коммунистическими лозунгами, помните, мы эти лозунги стали применять самым примитивным способом. Естественно, что крестьяне сказали: «большевики—народ хороший: они дали нам имения и землю; а коммуния, это—прямое зло против крестьян; их выдумали не те хорошие большевики, которые давали землю, а подосланные Колчаком агенты, которые хотят рассорить рабочих и крестьян.

Каждый коммунист, придя в деревню, должен окунуться в ту психологию, в те экономические нужды, среди которых живет крестьянин. Если агитатор не проникнется теми интересами, которыми живут крестьяне, то разумеется, он ничего не сделает.

Иные наши товарищи договорились до того, что будто бы между крестьянскими и рабочими массами нет пунктов схождения, что будто бы это—два класса с совершенно противоположными интересами. Если бы это было так, то наша революция пришла бы к концу: рабочий класс России не может один удержать власть в своих руках. Но он удержит власть, если останется гегемоном крестьянства.

Крестьянская масса никогда не является главным руководителем государственной власти, гегемоном власти. Этим гегемоном является или буржуазия, или пролетариат. И теперь, если вы спросите: что выгоднее крестьянству,—итти ли в тесном союзе с рабочим классом, или итти под гегемонией буржуазии, то вы увидите, что простой экономический расчет заставит крестьян мириться с целым рядом неприятных вещей при коммунистическом строительстве. Рабочий класс, находясь в центре власти, не будет эксплоатировать крестьян, как это делали буржуазные классы, когда они пользовались прибавочной стоимостью не только непосредственно от рабочих, но и от крестьянских масс.

Крестьянский класс является при буржуазном господстве таким же эксплоатируемым классом, как и пролетариат. В старом государственном строе был огромный социальный аппарат для угнетения крестьян, для

вытягивания прибавочной стоимости из крестьянского населения. Таким образом, крестьяне принуждены были выделить из своей среды кадры рабочих, которым ничего не оставалось делать, как продавать свои силы. Теперь же, если у власти будет стоять рабоче-крестьянское правительство, то этому правительству не будет никакого основания давить и притеснять крестьянские массы. Напротив, все будет делаться для облегчения этих крестьянских масс, для улучшения индивидуального хозяйства.

Когда наши враги почувствовали, что как будто в воздухе носится разрыв между рабочим классом и крестьянством, они стремились с своей стороны вбить осиновый клин между рабочим классом и крестьянством. Но коммунистическая партия забила тревогу. На партийном съезде этому вопросу было уделено столько же внимания, как и военному вопросу, может быть, даже больше. На этом съезде внесен ряд положений, и часть этих положений внесена в нашу программу. Программа дает ряд в высшей степени практических указаний для работы среди крестьянских масс.

Разумеется, если вы рассматривали эти пункты партийной программы, вы видели сухое перечисление, что мы должны давать крестьянам орудия производства, мы должны крестьянам всеми мерами помогать семенами, культурными силами,—одним словом, всеми мерами и силами способствовать поднятию крестьянского хозяйства. Расходятся ли эти пункты с основными пунктами марксизма? Безусловно, нет. Основоположники марксизма. Маркс и Энгельс, десятки лет тому назад говорили, что рабочий класс может захватить власть, что государство может быть социалистическим, в то же время возможно параллельное существование индивидуального крестьянского хозяйства. Они говорили, что рабочий класс не будет иметь никакого желания коверкать крестьянскую жизнь.

У нас будет огромный запас земли в руках государственных органов, достаточный, чтобы регулировать стоимость земельных продуктов по отношению к другим про-

дуктам. Крестьяне также кровно заинтересованы в укреплении Советской власти, как и рабочие.

Если вам, товарищи, ясна линия центрального Советского правительства по отношению к крестьянам то имейте в виду, что такая же линия наметилась и по отношению к другим мелко-буржуазным слоям, в том числе к интеллигенции. По отношению к огромным слоям городских обывателей мы делаем все, чтобы облегчить переходный момент. Мы выпускаем декреты, которыми даем право отдельным хозяйствам иметь даже до 10 человек работников.

Россия—страна с огромным количеством мелко-буржуазного населения, с которым сразу перепрыгнуть в социалистический строй нет возможности. Мы должны постепенно, экономическим путем перевести их в коммунистический строй, налаживать который мы призваны. В этом постепенном привлечении всех остальных слоев населения к нашему делу мы замечаем некоторый успех. Мы видим, если не полное признание Советского правительства огромными слоями русского населения, то во всяком случае огромный перелом, который наблюдается в интеллигентских слоях, в специалистах. И не использовать этого момента в пользу рабочего класса было бы неправильно.

Пред нами ожесточенная борьба с империалистами Запада. В этой борьбе одиноких сил рабочего класса слишком мало. Очевидно, нужно влить в эту борьбу и огромную силу мелко-буржуазного населения. Интеллигентские слои, специалисты по существу, находятся в таком же состоянии, как и крестьяне: они пропитаны мелко-буржуазными пережитками. Но и для них коммунистический строй не несет ухудшения положения. Рабоче-крестьянское правительство, отстаивая интересы рабочего класса, относится к этому слою в высшей степени осторожно. Рабочие и крестьяне понимают, как трудно пережить этот огромный психологический перелом, который происходит в этой среде. Они понимают, что этот перелом может произойти постепенно, с течением времени и вы, наверно, замечаете, что чем больше ударов наносим мы

русской контр-революции, чем лучше становится наше военное положение, тем охотнее эти слои идут на службу Советской власти, тем легче они становятся на нашу точку зрения.

Наша внутренняя политика особенно рельефно проявилась, когда представители эсеров предложили нам переговоры, и мы с этими предателями, которых должны бы были перевешать, как изменников рабочему классу и крестьянству, мы с ними вступили в переговоры, мы объявили им амнистию. Для чего мы это сделали? Неужели для прекрасных глаз учредиловцев? Нет, мы раскрывали глаза населению, что рабочий класс кровно заинтересован в их помощи, мы показывали, как они зашли в тупик и как они вынуждены были прийти к Канosse.

Вот та политическая линия, которая ведется Советским правительством. Я нарисовал ее в самых общих чертах, твердо памятуя, что предо мною сидят ответственные люди, которые в этом вопросе разбираются не меньше, чем я, и которым по существу интересно только подтверждение этой мысли из центра.

— Объезжая города и местечки Советской республики, я вижу, как на местах наши руководители иногда предвосхищают директивы центра; они, например, стараются всеми мерами втянуть в свою политику остальные слои населения. Могут спросить: какими способами можно привлекать крестьян? Конечно, крестьянские массы великолепной лекцией или прекрасной речью не привлечешь. Мало быть хорошим оратором, чтобы привлечь крестьян; необходимо быть и хорошим хозяином. Если вы хотите увеличить политическое влияние, то должны наладить уборку тряпок, достать гвоздей, наладить валяние сапог и т. п. Коммунистический строй внедряется кропотливой работой на местах, которая совершенно незаметна. Ясли, которые делаются работницей, приучение ребятишек к этим яслям — здесь зарождение общего детского дома в деревне. Ни один крестьянин не возразит против этих яслей. Ни одна мать не подумает, что этот дом послужит в будущем основой оттяпия детей от матери. Вы ви-

дите на этом примере, как постепенно коммунистический строй может зарождаться в деревне.

Я не буду приводить бесконечно примеров, где можно было бы указать на такую работу. Вы больше меня знаете такую работу, как местные работники, а я хочу показать основную линию, я хочу сказать, что если будет налажена такая работа, то придет момент, когда крестьянин скажет: «Батюшки, да я живу в коммунистическом строе!»

Быстрота нашей работы измеряется годами. Мне всегда смешно, когда приходят молодые коммунисты и коммунистки и говорят, что у них работа механическая, а хочется общей большой работы. Я всегда отвечаю, что при коммунистическом строе не может быть механической работы. Напротив, механическая работа может получиться у каждого человека, на каком бы посту он ни стоял.

Если старик плетет лапти и думает, что в эти лапти будет обут красноармеец; что эти лапти спасут красноармейца от простуды, а здоровые красноармейцы победят на международной арене, то, товарищи, кто больше делает: председатель ли В. Ц. И. К. или столетний старик плетущий лапоть?

Все рабочие, сейчас работающие в Советской республике, находятся в исключительно благоприятной обстановке. Когда мы работали на металлическом заводе, то мы чувствовали, что куем цепи для себя; а теперь каждый, что бы он ни делал, сознает, что все это идет на укрепление коммунистического строя, на усиление Советской власти, на ускорение нашей победы над русской контр-революцией. А в соответствии с этим все это идет на победу международной революции над международной контр-революцией.

Товарищи! Усвоивши эту основную линию, вы проявите максимум энергии. Момент слишком ответственный. Период, который мы переживаем, бывает в истории слишком редко. Мы находимся при огромном историческом переломе. Так будем же на высоте тех заданий, которые история возложила на русский рабочий класс, на русское крестьянство, на каком посту вы бы ни были. Как-

дый должен думать, что на него возложена в высшей степени ответственная задача, и выполнение этой задачи способствует победе над мировой контр-революцией. (Аплодисменты). Каждый человек, изготовляющий какую-нибудь вещицу, с гордостью может сказать: «Как бы мала ни была вещица, я способствую победе международной революции над международной контр-революцией!»

8. ВСЕМ НАРОДАМ ОДИНАКОВЫЕ ПРАВА.

Речь на митинге в городе Новом Карамыше, области немцев Поволжья, 23 июня 1919 г.

Товарищи! Не все города и деревни, разбросанные на огромном пространстве России, переживают непосредственно события, которыми полна наша борьба на фронтах. Вы скажете, что вы послали своих людей на фронт, что вы имеете убитых и раненых,—это все так, но вы не видели фронта. Как раз сейчас к вам приближается белогвардейский фронт. Не сегодня—завтра, может быть, враждебные казачьи разъезды покажутся около вас, и поля ваши будут безжалостно топтать, будут бесчестить ваших жен, будут делать всевозможные безобразия.

Армия идущих на нас белогвардейцев ведет себя так, как полагается вести себя бандам. Белогвардейцы часто говорят, что большевики-коммунисты, рабочие и крестьяне России сошли с ума и безобразничают. Но вот вы у себя видите, какие безобразия делает Советская власть. Безобразия такие, что вот здесь раньше делали сарпинку, а теперь не дают сырья для этой сарпинки: нужно делать колеса, а для колес не дают леса. Безобразия такие, что в Петрограде рабочие не имеют по целым неделям хлеба.

Вот в чем главные безобразия. Но разве это—безобразия Советской власти? Это—наше несчастье, это наше общее горе, но нельзя сказать, что это безобразия. Разве в том местечке, в том городе, который переходит к Советской власти,—населен ли он татарами, черемисами или поляками,—разве Советская власть творит в нем насилия, разве мы приказываем снимать с татарок покры-

вала? Если татарин любит, чтобы у его татарки был закрыт нос, то пусть будет он закрыт. Советская власть уважает обычаи и верования каждого племени и нации. Есть человек, который молится в церкви, есть такой, что молится попу, а третий, может быть, молится камню. И для того, кто молится камню, последний—такая же святыня, как для русского церковь, а для вас кирхе. Мы не воспрещаем никому молиться, только мы не обязаны содержать священников.

Я не буду отрицать, что у Советской власти есть много ошибок. Но покажите мне хотя бы одно правительство в мире, которое среди своих агентов не знало бы мошенников и жуликов. Они есть везде, даже в Германии, которая до войны считалась самой честной страной. Говорят, что там теперь даже есть спекулянты и мелочники. И когда наши враги говорят про Россию, что власть в ней представляет собою шайку мошенников или просто сумасшедших, мы отвечаем:

—Хорошо! Но ведь вот страна наша не одного народа; в этой стране есть и немцы, и поляки, и черемисы, и чуваши, и много других народностей. Однако в этой стране сумасшедшее правительство не дает этим людям одной нации издеваться над другими, например, над евреями, потому что еврей тоже человек. Если еврей—спекулянт, то мы будем приучать его к труду... Конечно, это не будет так легко, потому что он никогда не обрабатывал полей. Но в огромном своем большинстве народные массы России трудолюбивы и работоспособны. Неужели же у рабочих и крестьян не хватит настолько ума, действенности, здравого смысла, чтобы наладить свое государство без угнетения наций, наладить свое хозяйство общими усилиями для общей семьи, наладить его так, чтобы ты не хватал мое, а я твое?

Мы добьемся того, чтобы хватало всем; мы будем стараться, чтобы по всей земле были тучные поля, чтобы телеги у русских крестьян были такие же крепкие, как у вас. Все это—задача Советской власти. Советская власть к этому стремится.

У нас сейчас не хватает железа, хлопка, чугуна,

Буржуазия прибрала все это к своим рукам. У вас вот сбежал помещик Бендер, а у нас сбежал Гучков, Рябушинский; все они сбежали в стан контр-революции, к Деникину, и сейчас держат там это железо. И потому первая наша задача сейчас—разбить эту контр-революцию.

Объезжая те места, где враг особенно близок, я видел кругом себя рабочих и крестьян не разрозненных, а сплоченных, как семья, как единая, родная семья. У нас нет пасынков, у нас все родные; мы должны быть равны. Раз человек трудится, то он наш брат. Нельзя так сказать, что раз ты родился евреем, то ты паршивый. Или, если началась война с Германией, то немец паршивый. И я думаю, что теперь, когда враг хочет нас разъединить, вы пойдете ему навстречу сплоченными рядами и напрягете все усилия, чтобы его побить.

Я бывал у поляков. Они—шовинисты, они привыкли говорить: «польского круля», и больше ничего. А теперь и они в деревнях уже говорят, что мы теперь вместе с вами будем бороться против шляхтичей. Они так говорят потому, что они знают, что для Российской Советской республики польские крестьяне и рабочие так же дороги, как дороги все другие рабочие и крестьяне Советской республики.

Российская Советская республика—их мать, а Польша теперь их мачеха. Там еще не свергнуты шляхта и паны, которые будут притеснять и угнетать.

И вот, товарищи, теперь, когда к вам близок фронт, мы надеемся, что и вы, как все граждане республики, посодействуете всеми мерами отбить врага. Враг сейчас у нас только один, и мы его разобьем. Уверенность в этом дает нам то, что немецкие полки борются так же хорошо, как и русские, и общими усилиями мы врага разобьем.

А когда мы его разобьем, у нас появится хлопок, железо, а тогда появится и мануфактура. И я смею надеяться, что мы свое хозяйство наладим не хуже, а лучше, чем было прежде. Мы воздвигали дворцы, всевозможные украшения, сады,—для кого? Для королей, царей и их слуг. Так неужели мы, которые умели делать все это

для отдельных людей, не сумеем сделать всего этого для всех?

Я уверен, что когда победим, то у нас не будет того, чтобы один человек стрелялся от скуки или от безделья, а другой изнемогал, умирал под бременем работы; чтобы один умирал от обжорства, а другой голодной смертью. Мы поровняем всех, чтобы те, кто обжирался, ел поменьше, а кто голодал, ел бы побольше.

Сейчас вот особенно голодает Петроград, а вы вместе в пять раз больше. Я усиленно прошу, если у вас есть еще запасы, все их направить питерским и московским рабочим. Придет время, когда питерские и московские рабочие сумеют отплатить. Они бы и сейчас очень хорошо работали, да нет материалов, а когда им дадут топлива, железа, сырья, они начнут работать и возвратят сторицей.

Заканчивая свою речь, я снова высказываю надежду, товарищи, что вы, как и все граждане Российской Советской республики, со своей стороны сделаете все, чтобы в этот тяжелый момент вложить свою частицу работы, ума и знаний; а тогда общими усилиями мы победим врага. Наша доблестная Красная Армия, которая сумела уже поколотить одного врага, поколотит и другого.

---

9. БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ КОШИНСКОЙ ВОЛОСТИ, СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И УЕЗДА, 9 ИЮНЯ 1919 ГОДА.

(Волость находится в 23 верстах от города. Население 15.000 чел. На сходке присутствует около 250 чел.).

Товарищи! Я приехал услышать от вас, как вы живете. Сейчас вы каждую просьбу можете сразу довести до самого центра, а когда я уеду, то сделать это будет уже труднее. Я просил бы заявлять все претензии, что, с вашей точки зрения, есть плохого в Советской власти. А я с своей стороны заявляю вам претензию: я считал, что крестьяне Кошинской волости ведут в высшей сте-

лении противную другим крестьянам политику. Я уже объехал много губерний, но нигде я не видел столько дезертиров, как у вас. Бывают губернии с 10%, 20%, а у вас, судя по тем сведениям, которыми я располагаю, дезертирство доходит до 90%. Я заявляю, что это — прямо издевательство над другими крестьянами. Почему то терское крестьянство должно жертвовать, чтобы биться с Колчаком, а вы как будто другим миром мазаны или на другой земле живете? Если вам тяжело, то и другим тоже не легче. Сохранять свою шкуру, прятаться в кустах в то время, когда другое крестьянство умирает, это — самая большая подлость, какая только может быть, и я заявляю, что центральная власть переменится не будет. Насколько мы идем вам на помощь во всем, что только в силах сделать, настолько мы будем жестоко расправляться с теми, кто хочет прятать свою шкуру. Вот ваш помещик Оболенский не сидит здесь, а он участвует в войне на стороне Деникина, чтобы отвоевать опять свои земли. Возьмите Деникина: у него много денег, и он мог бы спокойно сидеть в Париже и не рисковать ничем. И другие помещики тоже не прячутся в кустах; а вы не понимаете, что если возвратятся помещики, придет Деникин, то он выгонит вас из всякого темного угла и уже тогда жестоко расправится.

Я спрашиваю: какие причины заставляют вас выступать против всех крестьян и рабочих России? Я попросил бы выяснить причины. Если, может быть, у вас негодные люди в Исполкомах, то вы об этом заявите, это можно исправить. Но ваша обязанность притянуть каждого человека к работе. Вы помните басню, в которой лошадь не хотела помогать везти ослу, а когда осел пал, то всю кладь пришлось переложить на лошадь. И я боюсь, когда люди сейчас прячутся от работы, чтобы им потом не пришлось перенести на себе всю кладь.

Прежде всего я предупреждаю, что расправа за дезертирство будет самая жестокая. Рабоче-крестьянская власть умеет миловать, но того, кто изменяет рабочим и крестьянам, кто не хочет понять общественного дела, кто не понимает, что в момент общей опасности приходится

жертвовать не только своим достоянием, но и жизнью. Того рабочие и крестьяне выбрасывают из своей среды.

Я предупреждаю вас сейчас потому, что потом будут заявления, что вот, мол, солдаты пришли ловить дезертиров, и там яйцо стащили, а там свинью зарезали. А чтобы этого не было, нужно самим прекратить дезертирство.

Крестьянин. Есть нечего совсем. А если где купишь, то привезти нельзя. И земля не вся засеяна. Если бы дали свободный провоз, то землю бы не оставили пустовать.

Романенко. Рядом с нами есть имение, там сто десятин земли. Имение национализировано, но там полные непорядки. Построек нет. Сидит в имении бывшая помещица и приказавшийся к ней агроном. А помещица затем и поступила на службу, чтобы до прихода белых сохранить свое имение.

Белокопытов. Нам председатель сказал, что позорный факт, что дезертирство огромное. Но ищутся ли причины, обусловливающие этот позорный факт? К нам являются представители местной власти и центральной власти в виде следствия, а причины этого факта никто не ищет. Месяц назад был представитель губернии и задавал вопросы: какие порядки, какие непорядки? Был поднят вопрос о дезертирстве, и крестьянство говорило, а если сейчас крестьянство молчит, то это объясняется только неосторожными словами тов. Калинина. Крестьянство объясняло уже не раз, почему они дезертируют. Они ушли на войну, боролись, и когда возвратились, то увидели, что дома все без изменения. Крестьяне, как были, так и остались без земли. А когда Кошелевская волость написала резолюцию, и эта резолюция должна была пойти в губернский земельный отдел, то эта резолюция была признана контр-революционной. И когда приехал представитель высших сфер, то он заявил, что эта резолюция дурацкая, и что на ней будет поставлен крест. Бывают и такие случаи, что землю отчуждают, несмотря на то, что есть постановление от Совнархоза. Местная власть отчуждает землю, и тот, кто хотел рабо-

тать, остается без земли. И вот дезертирство обусловливается массой причин и глубокой подкладкой. А молчание объясняется тем, что раньше люди говорили, а теперь, когда их начали арестовывать, то они боятся.

Калинин. Я хотел бы, чтобы тов. Белокопытов перечислил те имения, земли которых он находит нужным отдать крестьянам.

Белокопытов. Кошино и Карчевское.

Калинин. Потом вы говорили расчет неправильностей отчуждения; скажите более определенно: у кого это было?

Белокопытов. Вот, например, священник имеет 18 душ едоков и церковной земли 32 десятины. У него отбирают землю. Тогда он едет в уездный отдел, и оттуда присылают извещение, что земля отходит к причту независимо от душ, все 32 десятины. Приезжает представительница по подаче жалоб, принимает жалобу, и снова постановление отобрать эту землю и дать по числу едоков. Второй случай: в селе Кошине у священника отбирают 62 десятины, отбирается земля вся целиком. Он начинает хлопотать—земельный отдел ничего не знает. Местный отдел даст 2½ десятины, и все хлопоты не приводят ни к чему. Земля отобрана, обратно взять нельзя. Вообще земли мало, и если будет общегосударственная разверстка, то земли не хватит. Свободного фонда нет, и крестьянство дезертирствует, потому, что им не дают земли.

Горохов. Я заявляю свою личку, что у меня нет ни одного клочка земли, а семья 8 человек.

Калинин. Я скажу, что я был в таких губерниях, где крестьянство живет в ужасном положении. Достаточно сказать, что есть места, где совершенно не осталось ржаной соломы. Теснота невероятная, а кругом и за сотни верст не видать помещика. И в таких деревнях, несмотря на все ужасное положение, дезертирства не было.

Один из ваших представителей заявил претензию, что нужна земля. Я выяснил, что у вас два национализированных имения, а остальные—коммуны. Но ведь и в коммунах живут ваши же люди,—мы не с луны брали

рабочих, а из вашей или соседней волости. Коммуны в ваших же руках: разница только та, что там живет не Иван, а Петр. А Петр разве не крестьянин? И замаскировывать, говорить, что земля не у крестьян,—это недопустимо. Я сам—тоже крестьянин, и у нас в деревне есть коммуна. Конечно, в коммунах иногда живут самые неспособные крестьяне, нищие, убогие. Но куда же их деть по вашему? Без земли оставить? Мы всех неспособных и самых бедных должны кормить. Я, как представитель крестьянской власти, не могу оставить этих неспособных без работы. И люди не такие уже неспособные, чтобы постепенно не привыкнуть к труду,—злостный лодырь найдется один из тысячи. Может быть, скажут, что они поставлены теперь в лучшие условия, чем все крестьянство? Но даже если бы и так! Ведь всю жизнь они ходили за пудиком муки к богатому крестьянину, а за этот пудик в самую горячую пору шли отрабатывать. А теперь, когда они получили лишний фунт, то говорят, что они лодыря гоняют, обжираются.

Но я заявляю, что если в коммунах земля не будет обрабатываться, то она отберется. Если коммуна будет безобразничать, то ее распустят. У меня рядом с моей деревней была коммуна, и там есть башмачники и другие мастера. И вот крестьяне наши кричали: пропало дело!— А они в нынешнем году и кузницу открыли, и землю всю запахали. Вот вам яркий пример, и я, как представитель власти, не могу не принимать всего того во внимание. Иначе я не буду настоящим представителем трудящейся массы, которой дороги интересы как мелкого башмачника, так и других трудящихся.

Кроме того, я должен сказать, что земля коммунарам будет по норме так же, как и всем.

Крестьяне. Хорошо бы, чтобы и культура и коммуна были по норме.

Калинин. Про коммуны я уже сказал, что земля будет одинаково со всеми крестьянами по норме.

Относительно советских имений я тут вижу или просто глупость, или злонамеренное извращение крестьянских мозгов. Ведь сказать, чтобы в волости не было двух пас-

ний, может только тот крестьянин, который не задумывается о своем потомстве. В конце концов, наша бедность происходила не только от того, что нас Николай утеснял политически, а и оттого, что нам негде было взять хороших семян, негде было взять лучшей хорошей племенной коровы, лошади, нам негде было сделать культурного опыта, из которого мы смогли бы научиться правильно обрабатывать землю и собирать хорошие урожаи.

Говорят, что рабочие получили фабрики...

Крестьяне. Совершенно верно, рабочие все получили!

Калинин. А разве рабочий может взять хотя бы кусок стали, который он обрабатывает на фабрике? Фабрика является государственной собственностью так же, как и железные дороги и другие предприятия. Вот рабочие заявили, например, что они желают продавать ситец по спекулятивной цене, так же как продается хлеб. А хлеб—100 руб. пуд. А я, как представитель власти, заявляю: «Извините, пожалуйста, фабрики не ваши, а принадлежат всему трудящемуся классу, вы только исполнители воли этого класса». И ни один рабочий не заявил претензии против такого рассуждения. И как мы говорим рабочим, что Путиловский завод не ваш, вы не имеете права растащить его по частям, так мы говорим и вам про имения, что коммуны, это—ваше местное, а советские имения принадлежат трудящимся всего государства. У кого есть на грош совести, кто думает не только о сегодняшнем дне, кто думает и знает, что на земле он находится не один, у того язык не повернется сказать, что в волости не нужно двух советских имений.

Может быть, там очень плохо поставлено дело? Тогда за это нужно карать и нужно учить их, ведь мы сразу не можем ничего наладить. Если мы разделим все советские имения, тогда рабочие прямо нам бросят упрек, что, вот, мол, крестьяне кусочка земли не оставили в волости для общего пользования. А вы не забывайте, что рабочие больше вас голодают. Ведь разделить совсем не трудно, а вот трудно наладить, поставить имение так, чтобы оно приносило большую пользу. Здесь говорят не-

которые, что нет ни избы, ни леса, и чтобы сейчас поставить самое убогое хозяйство, надо не менее тысячи рублей. А у иного человека и гроша за душой нет. Вот куда же мы таких девать станем? Вы, конечно, скажете, что они крохами пропитаются. А я знаю хорошо, как этими крохами питаются сироты.

Тут умник один заявил, что земля отдана не крестьянам. А кто же живет в имениях и коммунах?

Крестьяне. Помещица живет.

Калинин. Это единичный случай. Потом относительно священника. Я вот Богу не молюсь, и мне он совсем не нужен.

Крестьяне. А нам он желателен.

Калинин. Ну, вот, значит, и священник вам нужен, а земли ему не даете. Если не даете земли, то должны платить мукой. Вот у нас в деревне тоже не хотели священнику давать землю, а когда он сказал, что совсем уйдет, ему тогда и дали.

Я вам такой пример дам. Получили, например, вы тысячу рублей. И что лучше с этими деньгами сделать? Построить ли хорошую мельницу для общего пользования, или раздать, чтобы у каждого в кармане было по рублику? Ведь я думаю, конечно, построить лучше мельницу, хотя это сразу и не даст ощутительных результатов.

Я получил записку, в которой спрашивают: почему мы в начале власти говорили: «долой войну», а теперь сами ее продолжаем?

Мы всегда говорили и будем говорить, что мы являемся противниками войны крестьян с крестьянами и рабочих с рабочими. Разные паны рабочие и крестьяне защищали интересы русского капитализма, а рабочие Германии — интересы немецкого капитализма. И от этой войны ни рабочий, ни крестьянин не получали ничего, кроме разорения. А теперь идет война из-за того, что рабочие и крестьяне захватили фабрики и имения. Большинство имений находится в руках крестьян или в виде коммун, или так разделены. И разве мы объявляем войну Колчаку? Колчак с помещиками идет против нас, потому что мы выгнали его из имений, лишили его при-

билетий. Он идет сам и посылает крестьян, которые там живут. Мы в Смоленске спрашивали у крестьян-перебежчиков, почему они сразу не переходят к нам? А они говорят, что на каждые 10 человек—офицер с пулеметом. Вы думаете, что спрячетесь в кустик, когда придет Колчак? Нет, буржуазия везде найдет вас. Когда белогвардейцы захватили власть в Финляндии, то они 20.000 рабочих и крестьян повесили. И сейчас если возвратится в Смоленск Оболенский и другие помещики, то вы думаете, что он будет искать и преследовать только большевиков? У вас в Смоленске большевиков-то всего на всего только 100 человек, да 50 перед приходом Колчака спрятся. А вы думаете, что эти колчаковцы-помещики успокоятся 50-ю большевиками? Нет, они не успокоятся. Помимо того, что они возвратят себе имения и земли, они выпьют с вас и те убытки за два года, которые потерпели, и тогда уже наверное 20% вас будет убито; а кто сейчас в кустах дезертирствовал, тот тоже будет расстрелян. И нам сейчас нет другого выхода, как задушить их; а когда задушим, то и война сама собою кончится.

Если вы объясняете дезертирство тем, что тяжело крестьянам живется, то ведь нужно помнить, что мы и власть взяли и боремся за то, чтобы лучше жилось. Нужно помнить, что Россию мы взяли голодную, разоренную. Мы напрягаем все силы, чтобы улучшить, наладить жизнь. Ясно, что если мы переживем этот момент, если мы сумеем отразить нападение и этим окончим войну, мы сможем все наши силы направить на налаживание народного хозяйства и улучшение крестьянской жизни.

---

10. БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ ИССКОЙ ВОЛОСТИ, РУЗАЕВСКОГО УЕЗДА, ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

Волость находится в 20 верстах от г. Рузаевки; населения в волости 15.000.

Товарищи! Позвольте мне сказать вам несколько слов.

Я являюсь председателем Центрального Исполнительного Комитета, того органа, который управляет всей

России. При избрании меня на этот ответственный пост руководствовались следующими мотивами. Так как власть находится в руках крестьян и рабочих, то и решили, что председателем должен быть или крестьянин или рабочий. Я сам являюсь крестьянином Тверской губернии и хозяйство веду до сих пор, и вместе с тем, как все крестьяне наших северных губерний, провожу большую часть времени на заводе или фабрике. Ведь если у нас здесь пашут мужики, то у нас пашут бабы и бабы лучшие хозяева, чем мужики, потому, что земли у нас сравнительно мало и хозяйство не вполне оправдывает семью.

И вот, таким образом, в моем лице объединились крестьянин и рабочий. Эта-то причина и заставила В.Ц.И.К. избрать меня председателем В.Ц.И.К.

Как только я был избран, было решено объехать большую часть России и—главным образом, волости, ибо, товарищи, как бы то ни было, в городах известный порядок и законность существуют. В городах, хотя с большим трудом, но, все-таки, мало-по-малу хозяйство налаживается, исключая, конечно, той отчаянной голодовки, которая охватила всю нашу Россию, и причины которой кроются не в нашем неумении или злом умысле, а в том, что за 4 года мы слишком мало засевали и в то же время кормили огромную армию. И бороться с этой голодовкой придется сравнительно долго.

В деревнях порядок налаживается сравнительно туго. Это понятно, потому, что рабочие привыкли до известной степени к общественности, они привыкли управлять тем или иным учреждением, привыкли выдвигать честных людей и привыкли доверяться. Среди крестьянства дело обстоит иначе. Кто прежде избирался в старшины? Тот, кто побогаче, кто при растрате мог бы заплатить; а в то же время, как бы ни был умен человек, как бы ни был он способен, если он бедный, то ему старшиной не бывать.

И вот теперь в деревне с большим трудом налаживается хозяйство. С одной стороны крестьяне не могут выдвинуть честных, но рядовых работников, а с другой

стороны, приезжают люди из других мест,—коммунисты хорошие, честные, но они слабо знают крестьянское дело, не знают местных условий и поэтому в своем управлении часто делают много ошибок. А через несколько времени эти ошибки переходят уже в злые дела, притеснения крестьян, и получается, что вместо того, чтобы Советской власти быть особенно милостивой к рабочим и крестьянам,—потому, что ведь и власть то рабочих и крестьян, эта власть превращается для крестьян в наказание.

И вот, товарищи, наша задача теперь, чтобы всюду и везде такую власть вводить в законные рамки, чтобы всюду и везде прекратить те притеснения, которые творятся местными советами, чтобы показать крестьянам, что советы—это их учреждения, что они должны принимать сами участие в работе этих советов, контролировать эти учреждения.

Затем надо обратить внимание, что в совете часто много бывает членов. Раньше волостью управляли старшина да писарь, иногда бывал помощник писаря, а теперь у нас в совете бывает до 15 человек. Ясно, что волостям трудно содержать такое количество людей; и надо позаботиться, чтобы уменьшить.

Затем, не бывает ли у вас каких нибудь незаконных конфискаций, арестов, незаконных распоряжений? Может быть члены исполкомов для собственной надобности берут продукты или занимают квартиры?

Голоса из толпы. Сколько угодно.

Вот, товарищи, все такие заявления будут сейчас мною приняты, и сейчас же будет то или иное решение. А если дело сложное и сейчас решить нельзя, то когда поедем в Москву, то там разрешим.

Надо, товарищи, считаться и с тем, что исполнительным комитетам, конечно, неприятно бывает проводить среди крестьян то или другое постановление центральной власти.

Например, мобилизация: ясно, что когда мобилизуют в армию, то это очень задевает крестьян, и члены исполкома как бы превращаются в крестьянского врага;

но естественно, что им выхода нет, и избежать этого нельзя.

Затем, вот твердые цены на хлеб—это тоже тяжелая обязанность. Этим особенно вызываются большие неудовольствия среди крестьян. Но, товарищи, представьте себе, что каждый из вас сядет на мое место. Наша Россия очень обширна. Есть части государства, где растет виноград, есть части, где много железа и не растет совсем хлеб; есть части, где много добывается каменного угля и тоже нет хлеба; и есть, наконец, части, где очень много воды, а стало быть и рыбы, и нет тоже хлеба. И вот мы из одной части требуем рыбы, железа, а им даем хлеб.

Теперь, когда власть перешла в руки рабочих и крестьян, торговый аппарат государство взяло в свои руки. Какие же причины заставили государство взять этот аппарат в свои руки? Причина, главным образом, та, что получился общий недостаток хлеба. Ведь во время войны и самодержавие было сломлено потому, что в городах стали давать все меньше и меньше хлеба. И вот поэтому государство вынуждено было хлеб монополизировать, взять его в свои руки и делить. А вот когда наступит лучшее время, когда хлеба будет много, то тогда не будет никаких реквизиций; а фабрики и заводы, вместо того, чтобы приготовлять винтовки, будут приготовлять машки и одежду, и обмен наступит естественным порядком. Иного выхода нет. Если Россия должна существовать, то она должна заставить северных людей возить лес и рыбу на юг, а южные люди должны отдавать хлеб тоже по твердым ценам.

Конечно, могут сказать, что и теперь Советская власть мнет бока, иногда и бедным (голос из народа «правда»). Но мы знаем, товарищи, что мы изживем старую полицейщину; если мы вспомним, как расправлялись царские власти с крестьянами, то скажем, что как ни плоха Советская власть, она все таки лучше прежней.

И вы знаете, товарищи, что как к мешку с деньгами

примазывается всякая сволочь, так примазываются и к нам,—записываются в коммунисты.

Я считаю, что крестьяне могут волноваться только по недоразумению потому, что лучшей власти, чем Советская власть, для крестьян не придумать. Правда, мы еще плохо умеем управлять: но ведь надо же когда нибудь учиться! Крестьяне никогда не управляли. А теперь вопрос стоит так: или нам вечно надо работать на помещиков и капиталистов, или же мы должны выбраться на другой путь. В настоящее время мы выбираемся на этот путь и укрепляем свою власть. Конечно, эта власть дурная, возьмите вашу бедноту—из них многие, никуда не годятся. Я знаю, что многие крестьяне-бедняки очень плохие хозяева. А теперь, когда они попали к власти, то они, конечно, творят целый ряд нарушений законов. Но у этого бедняка, может быть, все предки умирались: каждый относился к нему с презрением. Сколько раз он кланялся лавочнику! И когда такой человек попал к власти сам стал хозяином, конечно, разгулялось его сердце. У него загорелось чувство мщения и в таком состоянии он наделает много и много ошибок. Но, товарищи, в этом вы виноваты сами. Когда вы начинаете куда нибудь выбирать, то вы так думаете: «вот в кооператив надо кого побогаче—пусть, если проворуется, так заплатит; а вот если в совет выбирать, так пускай идет никудышний; а мы дома на печке посидим; а как никудышний схватит за горло, так сами кричать начинаете (среди крестьян—шум и волнение).

Голоса. Беспартийных в Совет не пускают.

Калинин. Беспартийных пускаем даже в губернский Исполком. И это очень естественно: в волостной Совете надо хорошо знать хозяйство, чтобы уметь наладить жизнь в деревне, а хорошо хозяйство может знать только местный хороший работник. Но в то же время середняк-крестьянин не сможет дать политического руководства. Надо так сделать, чтобы честный середняк-крестьянин был в Совете и показывал тем коммунистам, которые в Исполкоме, как надо управлять, с кого взять меньше налога. Он сможет указать, в какое вре-

мя дать подводы, а в какое время это совсем невозможно. А то, вот, у нас требуют подводы в конце апреля, когда и за околицу не выехать.

Голоса из толпы. Вот это правильно!

Калинин. И вот так все происходит, потому, что люди не знают совсем хозяйства. И мы середняков будем допускать в центральные органы.

Но, конечно, товарищи, бывает не только незнание хозяйства, но и произвол со стороны местных властей. И по этому поводу центральная власть говорит, что на местах должны быть не чиновники, а должны быть товарищи, к которым бы свободно шли крестьяне и находили совет и помощь. Член Исполкома должен расспросить, помочь, научить, потому что у нас в деревнях люди большей частью неграмотные; крестьянин часто идет и не знает, как ему рассказать о том, о чем он хочет просить. Но, конечно, товарищи, все это налаживается постепенно и с большим трудом.

Вот, например, каждый из вас знает, что полгода тому назад вам грозили стенкой, а теперь уж приезжает представитель власти и говорит, что стенки не должно быть, а должна быть только вакопность. И я, как крестьянин, иначе и говорить не могу, потому, что тогда я буду сам себя сечь. Вот и приходится ездить и налаживать: кому нотацию прочитать, кого просто уволить, а кого и посадить. Одним словом, мы сейчас видим, что крестьянская власть бьет себе посы, но иначе, товарищи, нельзя направить власть.

Когда Ленин брал власть в свои руки, то ему говорили, что вы со своими рабочими и крестьянами сядете в галошу, что ваша власть не продержится более двух недель. А теперь вы уж все видите, что власть держится полтора года, и постепенно налаживается жизнь. Конечно, на первых порах эта власть будет дурная: она глупостей надевает черт знает сколько, потому, что человек ведь совершенно не бывал у власти. Но надо же когда нибудь учиться. Если мы отложим на сто лет, то ведь через сто лет придется также учиться. Конечно, много будут разбивать посы, но несколько раз разобьют,

а в это время власть укрепится, и так укрепится, что уже никто ее не сможет вырвать.

Но для того, чтобы все это наладилось в такой громадной стране, как Россия, конечно, необходимо время. Ведь у нас не было ни школ, ни университетов, мы считались рабами, и для того, чтобы все наладить, надо 10—15 лет. Уж и теперь мы видим, как потихоньку все теперь налаживается, сама власть становится лучше и лучше: примазавшихся мы частью расстреливаем, частью выкидываем. Общими усилиями рабочих и крестьян эту телегу,—большую телегу,—мы вытащим, и не только вытащим, а и хорошо наладим. Наладим непременно, потому, что крестьяне и рабочие принимают большое участие во всей этой работе.

Сейчас против нас все царские генералы и офицеры, объединились со всеми помещиками. Им помогают Франция, Англия и вся буржуазия. И вот, несмотря на разруху, все таки мы справляемся с этой бандой: Деникин почти разбит, Колчак разваливается. Разваливается их армия, состоящая из лучших генералов и из великолепно выученных офицерских полков. А у нас какая армия? Офицеры саботируют; мы выпустили крестьянских и рабочих офицеров, но командующий говорит, что они плохие, что им надо побыть месяца три на фронте. Теперь мы создали академию, и из этой военной академии у нас будут свои командиры дивизий и полков, и с такими то начальниками мы сможем нанести окончательный удар нашим врагам, потому, что нас, крестьян и рабочих, все таки огромное большинство.

Правда, ругают иногда в тылу крестьяне и Красную Армию, но ведь в тылу Колчака тоже ругают его армию. Это вполне естественно, потому, что как Красная Армия, так и белые собирают у крестьян то хлеб, то скот: но у нас—то преимущество, товарищи, что ведь Красная то Армия, это—наша кровная, родная армия. Конечно, иногда Красная Армия безобразит. А разве, товарищи, наша молодежь по деревням не дебоширит по отношению, не безобразит, когда соберется несколько человек? Но

все таки они, эти безобразники—ваши родные; так и Красная Армия: она—наша, и мы должны с своей стороны сделать все, чтобы помогать ей самым решительным образом, всегда помня, что она борется с помещичьими сынками, с офицерством и царскими генералами. И я призываю вас, товарищи: помогайте нашей Красной Армии, потому, что помочь вы можете многим. Если вы наберете десяток пиратов и пошлете их в армию, то нашим товарищам в тысячу раз легче будет переносить лишения на фронте, потому, что они будут знать, что о них помнят и заботятся. Вот рабочие Петрограда и Москвы сами голодают, живут бедно, а каждый месяц посылают в Красную Армию то мыло, то папиросы. И я призываю вас, товарищи-крестьяне, помогать потому, что в Красной Армии находятся наши дети, отцы. Помогайте им всем, чем можете.

В заключение я прошу указывать на наши ошибки.

Крестьянин. Поясните насчет чрезвычайного налога: кто его должен собирать?

Калинин. Относительно чрезвычайного налога, товарищи, сход выбирает комиссию из трех человек—комиссию из местных крестьян, и она накладывает налог. Комиссия должна обкладывать по совести, чтобы крестьяне не разорялись. Теперь есть декрет: те, кто обложен до 1.500 руб., освобождаются совершенно, а кто до 2.200 руб.,—платят половину. Тем же, кто уплатил уже налог, будет то преимущество, что если привезут товары, то им будет дано в первую очередь.

Крестьянин. Объясните, с кого и на что идут эти налоги?

Калинин. На что идет налог? На содержание армии и на другие государственные расходы. Если у вас есть 50.000 руб., то вы идете, отдаете 15.000; если у вас есть 5000, то вы платите 1000. Так, конечно, правильно рассчитать трудно; мы знаем только, что в крестьянских карманах лежат 60 миллиардов. И вот теперь местные комиссии, состоящие из вас же, накладывают налог, и

вы потом уже сами распределяете, кого обложить на тысячу, а кого на сотни.

Крестьянин. А у нас совсем местный Совет не считался с положением. Когда сельский Совет хотел распределить налог, то их арестовали. Из уезда говорят: роди да клади, и многих разорили с этим налогом.

Надорнин. Вопрос идет о чрезвычайном налоге. Конечно, налог был наложен центральным комитетом, нам из губернии послали, что должны непременно собрать 7.000.000 руб.: сказали, что нужно собрать во что бы то ни стало. И тогда каждый из нас стал в тупик, и многие бедняки отдали последние крохи. Но теперь это дело прошлое, теперь мы должны благодарить, что видим нашего представителя власти и можем с ним так просто разговаривать; а то, когда прежде приезжали генералы, так жандармы не допускали близко на несколько верст, а товарищ Калинин сидит с нами и беседует.

Калинин. Я вижу здесь крестьянок и хочу им сказать, что теперь нельзя говорить, что вот наше дело бабье, что мы должны быть в стороне. Нет, женщины должны принимать такое же участие, как и мужчины, в общественной работе. Женщины должны воспользоваться такими же правами, должны итти во все учебные заведения, потому, что женщина в доме, в семье—самое главное. Мать хорошая, хороши и дети. Мать дает первое направление и мальчикам, и девочкам. И надо вам забыть самым решительным образом прошедшее и принять участие в новой жизни.

Павлов. Товарищ Калинин сказал, что мы можем на сходах делать выборы из наших крестьян. Но вот мы сходились на сходах и выбирали крестьян-середняков в Совет, выбирали людей хороших, честных; а на утро оказалось, что те люди, за которых никто не поднимал руки—опять старые—говорят, что мы выбирать не имеем права, и опять остаются в Совете. В настоящее время есть Гришин, которого никто не выбирал, а он сидит. (Шум среди крестьян).

Крестьяне. У нас так дело делается, что кто на схо-

де слово сказал, то забирают и отправляют в Рузаевку и там держат. И у нас так и не лежит сердце к Советской власти, что вот идут безобразия.

Крестьянин. А как быть, если у нас нет партийных: кого выбирать в Совет?

Калинин. Товарищи! В деревне совсем не обязательно выбирать партийных. Я глубоко убежден, что если он—настоящий партийный человек, то он будет избран, а если он не настоящий, то лучше избрать беспартийного.

Юрасов (председатель Рузаевского Исполкома). Товарищи! Было время, когда работали чрезвычайки, и когда был разогнан рузаевский съезд. А теперь вы прекрасно знаете, что шесть дней тому назад на уездном съезде проведено в Совет шесть крестьян и постепенно мы наладим жизнь и проведем в волостные Советы середняков.

Сеселкин. Я вот хочу объяснить, как у нас работал начальник милиции: он вырывал у нас кошельки, насильничал, сажал в подвалы. (Шум и волнение среди крестьян).

Калигин. Так вы говорите, что он брал кошельки?

Крестьяне. (в несколько голосов). Он не брал, а рвал кошельки.

Калинин. Кто этот начальник милиции? Дайте объяснение.

Феоктистов. (Начальник уездной милиции). У нас разногласия идут из-за чрезвычайного налога. Действительно принимались крутые меры, потому, что иначе нельзя было провести налога в жизнь. И я применял репрессивные меры ко всем кулакам, белогвардейцам и всей этой сволочи. (Среди крестьян сильный шум).

Крестьяне. Он еще смеет нас ругать!

Калинин. Для того, чтобы разобраться, я должен выслушать и вас, и его, а вы сами не даете мне разобраться.

Феоктистов. У меня никогда не было даже желания обидеть середняка или бедняка. А когда было со-

брание Совета, то говорили, чтобы сказать, кого я обидел—никто не нашелся.

Товарищ Калинин предлагает председателю Уездисполкома принять меры к выяснению дела Феоктистова и перевести его в другую волость.

11. БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ВОЛОСТИ, КАЗАНСКОГО УЕЗДА, 4 МАЯ 1919 Г.

Товарищи! Я не предполагаю, что придется много говорить; думаю, что товарищи сами расскажут, что особенно тяжелое имеется у них в отношениях с Советской властью. Какие порядки являются наиболее тяжелыми для крестьянского хозяйства? Какие порядки, может быть, не помогают этому хозяйству, а разворяют его?

Затем, я бы хотел узнать, какова у вас местная власть. Это—один из самых главных вопросов, потому, что во многих местах наши комиссары и члены Исполкомов не стоят на высоте положения. Многие действия ими производятся не на основании распоряжений из центра, а как взбредет в голову. Конечно, такие комиссары совсем не считаются с тем, вредят ли их распоряжения хозяйству или нет.

Каждый отдельный представитель власти, каждый совет обязан помогать всеми силами налаживанию хозяйства; в соответствии с этим он, конечно, должен помогать и крестьянству.

Если, например, крестьянин придет в совет, то нужно, чтобы он не чувствовал начальства, которое покрикивает на него, а чтобы он встретил там полное содействие и разъяснение распоряжений.

Далее мне, товарищи, хотелось бы выслушать ваше мнение насчет выборов в советы. Как выбирались Советы? Большинство ли стояло за эти Советы? Не были ли они навязаны населению? Бывали ведь случаи, что большинство крестьян стоит против Совета, и им навязывают или комитет бедноты, или коммунистиче-

скую ячейку. Или бывает, что какой нибудь аферист, приехавший неизвестно откуда, производит всякие распоряжения, совершенно не считаясь с интересами крестьянства.

Затем, хотелось узнать, насколько тяжело ложится Советская власть на население в денежном отношении. Прежде содержание волостного правления стоило, например, известную сумму, а теперь содержание Советов, может быть, стоит больше. А содержание Совета ложится на волость. Конечно, может платить правительство; но содержание правительства тоже ложится на крестьянство, потому, что все управление покрывается из сборов, налагаемых на крестьян и на городских граждан.

Прежде в волости было три человека, теперь дело увеличилось, и, может быть, нужно четыре. Но когда вместо трех-четырех бывает десять или пятнадцать, то это уже непосильно для крестьян. Как не уменьшали жалование, оно будет непосильно.

Затем, мне хотелось узнать, каким путем раскладывался налог: не бывало ли несправедливостей? У центральной власти мнение, что налогом обкладываются состоятельные слои населения, а рядовое крестьянство от этого налога совершенно освобождалось.

Но и состоятельные слои населения не должны были разоряться налогами. Если на человека накладывают непосильный налог, то он не может уплатить, и у него отпадает всякое желание работать.

Он говорит: «Вот я работаю, а у меня все отбирают. Уж лучше по миру итти».

Центральная власть понимает, что такое положение невозможно; надо следить, чтобы налоги не вели к разорению хозяйства.

Еще я хотел бы узнать, как идет владение землей. Многие деревни, владение землей поняли превратно. Во многих деревнях каждый год происходит передел земли. Это очень неправильно. При таком переделе хозяин не станет удобрять землю, и хозяйство получится никудышное.

Затем я скажу о вещах, которые в высшей степени неприятны, но которых нет возможности избежать. Первое—это то, что здесь происходит огромная реквизиция скота. Конечно, пока не кончится внутренняя война, пока не будет победа над Колчаком, этих реквизиций уничтожить нет возможности, потому, что армия существует сравнительно в большом размере. Ведь армию нужно кормить. Правда, благодаря нашей бедности кормят ее большей частью селедками, но надо иногда дать и мяса.

Кроме того, товарищи, благодаря войне произошло обеднение. На фабриках не работают ни одежды, ни других необходимых вещей: фабрики работали все время на войну. Нет также железа, необходимого для крестьянского хозяйства: вместо того, чтобы приготовить плуги и бороны, железо шло на снаряды.

Война поглощала огромное количество материала. Раньше вы видели в Казани склады, наполненные товаром, как будто всю жизнь не вывезти; а сейчас Казань—пустой город. И не только Казань, но и Москва, и Петроград. За четыре года все расстреляно нами в немцев, а немцами расстреляно в нас: у немцев товаров нет, и у нас нет.

В ближайшем будущем ожидать существенного улучшения нельзя. Недавно мы получили несколько поездов с хлопком, но Колчак опять отрезал у нас Туркестан. Одним словом, сначала немецкая, а потом гражданская война сильно нас разорила. В связи с этой войной мы часто берем от крестьянства хлеб, скот, сено, лен, а взамен того дать почти ничего не можем.

В ближайшем времени, может быть, можно будет получить посуду, спички; а такие продукты, как железо, требуют несколько месяцев работы, пока не освободится совсем Донецкий бассейн. Поэтому сейчас может быть поставлен только такой вопрос: каким образом уменьшить расходы на содержание местной власти, сделать ее насколько возможно дешевле?

Что касается взимания налога, то я знаю, напри-

мер. деревню, где налог был наложен на одних баб-солдаток, а на мужиков—нет: там бабы-вдовы меньше кричали, на них и наложили. Вот я и хотел бы, чтобы вы, никого не стесняясь и никого не боясь, выложили все, что и как вам кажется, какие можно внести улучшения. Я пришел выслушать, главным образом, ваш голос, узнать ваше мнение. Я буду ездить по всей России по волостям и хочу выяснить мнение крестьян, как лучше устроить их жизнь.

И вот, товарищи, я просил бы вас высказаться вполне откровенно; а я сделаю все те облегчения, которые не будут резко расходиться с общими законами и интересами государства.

С ответом тов. Калинину выступает председатель волостного Совета тов. **Ляшев.**

«Относительно Советов я скажу, что Советы были избраны 1-го января по конституции. Выборы прошли благополучно. Недоразумений не было никаких. Совет состоит из шести членов, так как работа огромная. Совет работает хорошо, жалоб не поступало. Если поступают заявления, то только относительно того, чтоб членам Совета дали смену. Передел состоялся в 1917 г. и больше не будет до полной социализации земли, хотя часть запаса земли есть на некоторые нужды.

Для сбора чрезвычайного налога была избрана комиссия, которая разложила по обществам, и общество собрало. Правда, им было трудно, но население не роптало, сознавая, что помочь власти надо.

Относительно товаров первой необходимости, это правда, что население нуждается. Теперь весной большая нужда в железных земледельческих орудиях. Каждый, конечно, стремится обрабатывать землю. Созываются съезды, и съезды говорят, что надо обрабатывать. Но теперь, благодаря близости фронта, приостанавливается вспашка полей, потому, что требуется большое количество людей на окопы. И мы даже боимся, что пропустим время вспашки: земля засохнет.

У нас постоянные сильные наряды: то лошадей тре-

буют, то выгоняют поголовно, не исключая и женщин, на работу. А если во-время мы не засеем полей, то не получим такого урожая, которого ожидали».

Далее выступает крестьянка и спрашивает у тов. Калинина, почему городское население не равняют с деревенским: городскому выдают сахар, а деревенскому нет. В ответ тов. **Бухарцев** разъясняет, что жители деревни имеют молоко и достаточно хлеба и картошки, тогда как городское население, большей частью ничего этого не имея, имеет право на получение лишнего полфунта сахару, как питательного продукта.

Тов. **Максимов** (местный крестьянин), обращаясь к тов. Калинину, говорит: «Я вот, товарищ, хотел сказать относительно подвод. Относительно того, что военное положение тяжело, мы, конечно, сознаем, но в то же-время вы подумайте: мы высылаем до 150 подвод и кроме того, выгоняем даже и женщин на работу. Я просил бы, нельзя ли освободить как-нибудь хотя бы на время пахоты, потому что время не ждет, и через недели-полторы нельзя будет сеять хлеб. Потом я еще хотел бы спросить: есть приказ, что за каждую подводу платят по 53 руб. в сутки, а нам заплатили по 20 руб.; а ведь у нас тоже все беднота, ломаются сбруи—надо починить.

Тов. Калинин советует тов. Максимову со всеми недоразумениями, как, например, в данном случае с подводами, обращаться в Комиссариат труда. Далее тов. Калинин интересуется, как обстоит дело с красноармейским пайком? Не бывает ли недоразумений? Двое товарищей заявляют, что у них сыновья в Красной Армии, но красноармейского пайка они не имеют. Тов. Бухарцев выясняет, что данные товарищи не пользуются красноармейским пайком по собственной вине: они до сих пор не подавали заявления в Совет.

Один товарищ заявляет, что их местный Совет был избран на три месяца, и срок истек, и что товарищи усиленно просят смены, а революционный комитет отдал распоряжение все советы оставить на местах.

Тов. Калинин говорит: «Пусть послужат в Совете: У вас ведь крестьянской публики много. Конечно, их положение тяжелое: и хлеб надо у вас отнимать, и скот угонять. У меня вот у самого отобрали 30 пуд. хлеба; что мне оставили по 9 пудов на душу, да есть еще запас овсяной муки с картофелем. И я должен сказать вам, товарищи, что крестьянское хозяйство я хорошо знаю, и я говорю, что когда проработаешь бывало часов 8 на фабрике, то придешь, полфунта хлеба съешь и больше не можешь, а в деревне от зари до зари работаешь, чувствуешь себя гораздо лучше и фунтов 5 хлеба съешь обязательно. А вот скажите мне, сколько у вас наделов?»

Крестьяне: Четыреста слишком.

Крестьянин из толпы. А вот правда ли, товарищ, все говорят, что на 7 домов останется 1 корова?

Калинин. Нам хочется, чтобы 7 коров было на 1 дом. Но если представить, что сюда придут белые, то ведь они съедят коров 10, а потом наши еще вернутся и будут брать. Но мы, товарищи, все силы напрягаем на то, чтобы как можно скорее разделаться с Колчаком, а потом все внимание обратим на то, чтобы улучшить положение крестьянства. И когда нам говорят, что мы одно, а вы другое, так я говорю, мы не можем отделить правительство от себя и себя от правительства. Ведь посылают людей на фронт и убивают этих людей, так что же нам говорить о коровах? Как только победим Колчака, то все наладим. Сейчас у нас главная часть войск на юге, мы отвоевываем железо. Как отвоюем железо, то будем драться за сибирский хлеб.

Крестьянин из толпы. Товарищ Калинин! Я хотел бы спросить, что за окопную работу полагается ли получать деньги?

Калинин: Получают непременно и по тому тарифу, по которому работают в данном производстве. Если вы, например, печник и вас выгнали на работу, то вы получите по своему тарифу. Заработная плата, например, такова: если в Москве—10 руб., то в Петрограде и Пе-

троградской губ. на 20% больше—12 руб., в Новгородской губ.—11 руб., в Казанской губ.—9 руб. Тариф зависит от того, какая цена стоит на хлеб. Если вы заработали известную сумму, то вам надо пойти в губернский Отдел труда и заявить, что вы работали на земляной работе. Вы должны работать 8 часов. Если вы работаете больше, то за каждый лишний час вы получаете плату, как за 2 часа. В общем надо обратиться в Комиссариат труда, и вам заплатят.

Затем крестьяне обращаются к тов. Калинину с просьбой, чтобы с них на время вспашки и посева была снята обязанность по поставке подвод.

Калинин обещает похлопотать, чтобы на 2 недели—время вспашки и посева—товарищи-крестьяне были освобождены от этой обязанности.

Тов. представитель Царицынской волости просит тов. Калинина разрешить засеять хлебом участок земли, который они в 1913—14 годах передали Военному ведомству под юнкерские казармы. Теперь этот участок пустует. Военное ведомство в нем не нуждается. Тов. Калинин дает здесь же бумагу с разрешением посева на 1919 год, до выяснения этого дела военным ведомством.

Тов. представитель Клыковской волости просит тов. Калинина помочь ему в его бедственном положении: он имеет несколько душ семьи, а надел только на одну душу.

Тов. Калинин предлагает товарищам Клыковской волости как-нибудь помочь их односельчанину и подтверждает свою просьбу письменной заметкой на прошении крестьянина.

Прощаясь с крестьянами, тов. Калинин советует им заранее позаботиться о семенах для будущего года, так как надеяться в этом отношении на чью-либо помощь нет никакого основания.

12. ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Речь на митинге в г. Гжатске, Смоленской губ., 6 июня 1919 года.

Товарищи рабочие, граждане, красноармейцы города и уезда Гжатска!

Все сознают, что тот период, который мы сейчас переживаем, является критическим. Уже около двух лет рабочие и крестьяне захватили власть в России, и за эти два года не было дня и часа в прошлом, когда бы рабоче-крестьянская власть была так тверда, так крепка, как сейчас.

Товарищи! Как вы видите, мы, про которых думали, что или через три дня нас выгонят, или мы сами, захватив власть, откажемся от нее, держимся. Вы видите, что прошло уже около двух лет, а рабоче-крестьянская власть существует при невероятнейших условиях. Рабочие и крестьяне выдвигают из своей среды рядовых членов на самые ответственные посты Советской Республики. Примером этому является то, что председателем В. Ц. И. К. избран я, только два года тому назад отошедший от заводской работы; а семья моя продолжает до сих пор крестьянствовать. Или такой пример: председатель Украинской республики — рабочий Донской области, т. Петровский.

Если наши враги думали, что мы свою власть удержим только три дня, то из чего они исходили? Они исходили не только из тех причин, что мы не умеем управлять, что мы — неспособные люди. Они исходили и из тех причин, что общая разруха и обнищание народа зашли так далеко, что, какая бы власть ни была, эта власть с этой общей разрухой, с этой голодовкой не в состоянии справиться. Единственная власть, которая, по их понятию, смогла бы справиться, та, которая забрала бы народ в оковые, железные рукавицы, заставила бы массы работать огромное количество часов, голодать, вымирать, и таким образом на трупах рабочих и крестьян налаживалось бы строительство России. Буржуазия думала, что мы, являясь представителями широких

масс, не сможем взять эти массы в ежовые рукавицы и не сможем поставить рабоче-крестьянские массы в нечеловеческие условия жизни. Прошло почти два года, и все пророчества и гадания наших врагов оказались совершенно неправильными. При всех тех нечеловеческих условиях, в которых мы работаем, мы все-таки существуем.

Но почему же власть существует, и власть довольно сильна? Она не напоила, не накормила, она не улучшила жизни рабочих и крестьян. Власть существует потому, что в глубине крестьянских и рабочих масс таится глубокое убеждение, что как бы ни было плохо это правительство, какие бы оно ни делало ошибки, это будут только ошибки и промахи, а в действительности это единственно доподлинное правительство рабочих и крестьян. И рабочие, и крестьяне инстинктивно чувствуют, что не может быть другой власти, которая так бы широко шла навстречу рабочим и крестьянам. Власть, стоящая на местах, во многих случаях оказывалась из рук вон плохой. Рабочие же и крестьяне инстинктом схватывали, что причина этому та, что тысячу лет они были в угнетении, что тысячу лет люди, которые теперь управляют, были рабами буржуазно-помещичьего класса. Нас держали в темноте, нам боялись дать прочитать лишнюю книжку, нас заставляли только зубрить псалмы, да Отче наш...

Когда власть оказалась в руках народа, когда этот раб освободился и получил власть над своими угнетателями, то, конечно, разгулялось ретивое: появилось желание мстить. Говорят, что мы жестоки. Нет, когда мы порвали цепи, то мы оказались слишком великодушными, потому что угнетенные классы, когда они появляются у власти, всегда бывают великодушны, а классы, которые угнетают, всегда жестоки. Посмотрите, как проявляется их великодушие, например, в Вильне, где было вырезано 2000 евреев, рабочих и крестьян. Мы видим, какое великодушие они проявили в Мюнхене, где тысячи спартаковцев расстреляны по суду. Мы видели их великодушие в Уфе. Разумеется, мы не можем быть

мягкосердечными, когда нас со всех сторон сжимают буржуазия и помещики. Несмотря на все упреки, я все-таки определенно должен сказать, что в области непосредственного управления, мы оказались самыми мягкими людьми. Наше правительство оказалось более великодушным к врагам, чем все другие правительства по отношению к нам.

В области строительства с внешней стороны не сделано ничего. Нами народ не накормлен, не обут; заводы и фабрики не пущены в ход, железные дороги уменьшают свое движение. Это правда. Но скажите, разве в этом виноваты рабочие и крестьяне? Разве мы виноваты, что помещики и капиталисты при содействии Англии и Франции борются с оружием в руках, стараясь отрывать лучшие куски России? Разве мы виноваты, что они отрезали от нас Дон, тот Дон, который питает наши фабрики углем и железом? Разве рабочие и крестьяне виноваты, что английские хищники, как воры, наступают на Россию с севера, стараясь отрезать от нас рыбу и лес?

Пусть найдется хотя одно правительство в мире, состоящее из самых ученейших, культурнейших людей, из самых архибуржуазных Гучковых, Милюковых, различных профессоров, которое могло бы вести и организовывать народ разутый, раздетый, измученный, которое могло бы держать над ним власть, отражать удары со всех сторон и в то же время наносить жестокие удары противнику?

Полтора года тому назад не было никакой армии, а теперь у нас миллионная армия, которую мы создавали не при таких условиях, при каких создавал Колчак. Он свою армию подготовлял в то время, когда его границы защищали чехо-словаки. И какую колоссальную работу проделывает наша Красная Армия, если даже царские генералы заявляют, что такого геройства, которое проявляют красноармейцы на восточном фронте, они не встречали на старой войне! И если мы могли в полтора года создать Красную Армию, мы, совершенно

незнакомые с военной наукой, когда в наши органы в большинстве случаев влилось огромное количество рабоче-крестьянских масс, совершенно неподготовленных, то самые злостные наши враги вынуждены будут признать, что в области войны мы проделали огромную работу.

Возьмите продовольственное дело. Если вы посмотрите внимательно, то увидите, что и здесь нечеловеческими усилиями проделана колоссальная работа. Хлеба не хватает вообще, и мы целый год стараемся сделать так, чтобы люди как-нибудь могли дожить до того времени, когда наконец будет этот хлеб. Миллионы детей мы кормим на счет государства, при всем нашем безденежье. Не имея для производства ни стали, ни угля, ни нефти,—все это отрезано нашими врагами,—вы все-таки не можете не заметить, что фабрики и заводы все больше и больше начинают налаживаться. Те имения, которые разбивались и грабились два года тому назад, помещичьи дома, из которых уносилось все вплоть до окон и дверей, с большими усилиями исправляются и налаживаются. Постепенно всюду наступает порядок, и как бы ни была трудна та задача, которая стоит перед рабочим классом, как бы ни был страшен враг, который грозит задушить нас, рабоче-крестьянские массы как только замечают, что их власть начинает кто-нибудь душить, сразу поднимаются и наносят общий мощный удар врагу. Вы помните, как одно время, до наступления Колчака, все распустились? Но как только Колчак двинул свои банды, то самарское крестьянство, не дожидаясь призыва из центра, само начало организовываться и давать отпор врагу.

Чем больше опасность, тем скорее проявляется энергия. И рабочие, и крестьяне, как бы ни было тяжело налаживать свое хозяйство, начинают сознавать, что нам нет другого выхода, как задушить врага. И это сознание, товарищи, которое все больше и больше проникает в рабоче-крестьянские массы, внушает твердую уверенность, что желания и надежды врагов не сбудутся.

У нас есть все основания надеяться, что какие бы ошибки мы ни делали, что как бы ни были велики эти ошибки,—основная линия нашего поведения правильна. Главная наша задача—разбить старый буржуазно-помещичий класс России. Мы нанесем ему поражение,—я в этом не сомневаюсь.

Когда крестьяне и рабочие увидят, что Советской власти грозит действительная опасность, тогда все крестьянские массы поднимутся и нанесут новый удар. Это сознание все больше и больше проникает в рабоче-крестьянские массы, и это дает нам уверенность в том, что Колчаку и западно-европейским империалистам не дождаться нашего падения. Мы не сомневаемся и в том, что тот общий план, который был разработан в банкирских конторах мировых хищников, что он уже лопнул. Они думали начать с Воронежа и Курска, а вместо Воронежа и Курска наши красноармейцы оказались на Черном море.

И вот эти стремления рабоче-крестьянских масс нанести общий окончательный удар укрепляют в том убеждении, что между рабочими и крестьянами продолжается тот тесный союз, который был и в который стараются вбить клин наши враги. Но я уверен, что этот союз был и будет существовать, хотя в настоящее время есть много причин для того, чтобы передраться рабочему и крестьянину. У крестьянина нет рубашки, а у рабочего нет хлеба, а это—достаточный повод для того, чтобы перегрызть друг другу горло. Но этого, товарищи, нет до сих пор, несмотря на все старания наших врагов.

Наше правительство постепенно вносит улучшения в крестьянское хозяйство.—Нет никакого основания крестьянскому правительству разорять крестьян. Только полное истощение товарных средств заставляет прибегать к разным реквизициям. Но разве виноваты Калинин и другие в этом истощении средств? Мы явились к власти, когда все магазины оказались уже без товаров. Мы явились уже к голодному обнищавшему народу. И теперь те, которые нас раздели, разули, миллионами по-

ОИК-57642